

Сергей Протасов

НА ВОСТОК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Сергей Протасов

Цусимские хроники. На восток

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Протасов С. А.

Цусимские хроники. На восток / С. А. Протасов —
«Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134480-1

После трех месяцев активных действий русского и японского флотов на Дальнем Востоке наступило затишье. Силы на исходе, но назад пути нет. К тому же хочется верить, что вот-вот придет «второе дыхание» и сразу все изменится. Пусть делаются робкие попытки нащупать почву для переговоров, но противники еще не готовы договариваться. Каждая из сторон надеется вырвать для себя преимущество на заключительном отрезке дистанции, и осторожные прощупывания на периферии выливаются в полновесные обмены неожиданными ударами. Каждый пытается «удивить», сделав оригинальный ход и выкладываясь полностью, радуясь тому, что попал, и не обращая внимания на то, что в него попали тоже.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134480-1

© Протасов С. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Протасов

Цусимские хроники: На восток

© Сергей Протасов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

*Броненосцы с конвоем ушли сквозь дожди на
восток,
В каждой башне сверх нормы десяток фугасных
снарядов.
В трюмах транспортов тесно пехоте, махорки
дымок.
На Хоккайдо идем! Есть приказ. Потому что так
надо!*

Слова из песни

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

Н. Гумилев

Глава 1

Не желая афишировать факт своего возвращения, Рождественский распорядился, чтобы все телеграфные предписания его штаба, отправленные в течение дня 6 августа из залива Стрелок, исполнялись тихо, без лишней огласки. В крепости этому распоряжению следовали неукоснительно.

Передвижения войск и прочие приготовления производились под видом учений либо отправки на строительство новых укреплений. Сорвавшиеся от своей пристани и рванувшие к Аскольду дежурные миноноски проделывали такие фортели много раз и до этого. Учения или заметили кого, кто знает. Состоявшийся после полудня выход трального каравана также ничем не отличался от обычного контрольного траления и поводом для слухов быть никак не мог. Все это стало уже примелькавшейся рутинной и ничье внимание не привлекало.

Но начавшееся шевеление в казармах гарнизона и на побережье носило гораздо более массовый характер, чем раньше, и моментально встревожило население города. Невзирая на туманную погоду, с полудня на прибрежных высотах начали собираться толпы, неведомым образом уже информированные о скором приходе эскадры. Людская масса, до самого вечера варившаяся «в собственном соку», наплодила множество самых невероятных версий относительно всего происходящего и, конечно, того, чего ждать дальше.

Домохозяйки, безработные, «блаженные» и прочие, не особо загруженные работой, вились вокруг немногочисленных почти случайно затесавшихся сюда инвалидов или отпущенных на долечивание на квартиры и в казармы раненых офицеров и матросов, пытавшихся по мере своего разума объяснить происходящее.

Учитывая, что толпились в основном те, кто не годился ни на что серьезное, уровень осведомленности и способности нормально понимать и осмысливать услышанное оказался соответствующим. Выловленное где-то краем уха что-то совершенно непонятное изначально додумывалось в меру своего разума, а потом пересказывалось десятки раз, обрастая дополнительными «подробностями» и, в итоге, меняясь до неузнаваемости.

Мелькали здесь и подозрительные личности, толковавшие про то, что де японца снова за собой приведут. Побьет японец людишек! А кому это надо? Тикать пора из города, пока не поздно. Вон в прошлый раз сколько домов спалило, и что? Строить до сих пор не начали, а зимовать как? Им, господам в каменных палатах, от этого ни тепло ни холодно, а рабочий люд вкалывать должен, как на каторге. А жить где? В шалашах да землянках среди пепелища! А ведь скоро зима!

Только в сумерках с сопок у бухты Патрокл в туманной дали разглядели наконец на юго-востоке густые клубы дыма. К этому времени в городе уже распространили информационный бюллетень штаба флота о победе русского оружия в бою при Сасебо. В нем же сообщалось, что крейсера продолжают действовать на японских коммуникациях, а возвращаются только броненосцы с трофеями.

Многочисленные фотографы, полдня проторчавшие на местах с хорошим обзором и, соответственно, продуваемых насквозь в такую промозглую погоду, изрядно продрогли. Но покинуть позицию, даже на несколько минут, опасались. А треноги расставленных в рабочее положение фотографических аппаратов от ветра ничуть не защищали, так же как и поднятые тенты легких колясок, нанятых для мобильности. Ведь с какой стороны в этот раз придут броненосцы, никто, как обычно, не знал.

Прикинув освещенность мутного горизонта и осознав, что все мучения оказались напрасными, они разъезжались на своих «лихачах» (услуги которых за полдня ожидания так же пришлось оплатить в соответствии со «зверским» тарифом, моментально раздувшимся из-

за всплеска запросов) по гостиницам и постоялым дворам весьма удрученными, вместе с большей частью зевак.

Зато пишущая братия рванула к портовой конторе, где обещали дать интервью офицеры штаба флота. Проскочить на оцепленную жандармами и матросами территорию базы, включившей в себя теперь весь механический завод, Сибирский флотский экипаж и морской госпиталь, вплоть до новых доков в «гнилом углу», никто даже не пытался. Успели отвадить, подержав самых резвых в околотке с неделю, проводя дознание на предмет склонности к шпионажу, а потом и выслав из крепости с «волчьим билетом», невзирая на вопли «прогрессивной общественности».

Вернувшиеся главные силы флота на этот раз не стали рассовывать по стоянкам и гаваням вдали от города. Вот только кто именно пришел и в каком состоянии, из-за опустившейся ночной темноты сразу разглядеть оказалось невозможно. Все корабли и транспорты вошли в бухту Золотой Рог и встали на якорь или к хорошо освещенной стенке завода лишь незадолго до полуночи.

Но еще за полчаса до этого репортеры видели, как в ворота порта проехал закрытый экипаж адмирала Бирилева, а от борта «Орла» отвалил катер под адмиральским флагом и скоро вернулся обратно. Однако саму встречу двух адмиралов, состоявшуюся в заводской конторе, они наблюдать не могли.

Почти в полночь к журналистам, наконец, вышел командующий Тихоокеанским флотом в сопровождении двух офицеров из штаба Рождественского. Несмотря на поздний час, Алексей Алексеевич лично отвечал на вопросы сгоравших от профессионального любопытства представителей прессы, иногда пользуясь ловко предоставляемыми ему записями.

Он рассказал, что порт Сасебо полностью разгромлен и сожжен, его гавань завалена многочисленными затопленными японскими судами и не пригодна к использованию, а укрепления разрушены. Японского флота, на плечи которого возлагалась охрана этой крепости, в момент атаки не было в базе, поскольку отвлекающими действиями нашей эскадры его выманили в Желтое море, где он и узнал о нападении, уже не имея возможности его отбить и не успевая даже перехватить на отходе.

В результате огнем броненосцев и действиями войск на берегу уничтожены почти все форты, а также ремонтные мощности и портовое оборудование. После чего эскадра произвела необходимый ремонт на Цусиме и вернулась домой. Наши потери не велики, в то время как у противника в окрестностях Сасебо потоплено около десятка миноносцев, несколько вспомогательных крейсеров и более полусотни грузовых судов. А четыре больших транспорта стали нашими трофеями.

Еще несколько пароходов с грузами для японской армии перехвачено, потоплено или взято в качестве призов в ходе отвлекающей операции в Желтом и Восточно-Китайском морях. Все подробности будут сообщены позже, когда наместник сможет сам ответить на многие вопросы.

Пока шла эта экспресс-пресс-конференция, заводское, железнодорожное и портовое начальство, уже поджидавшее на пристани, перевезли на борт флагмана, едва туда вернулся Рождественский. Довольно скоро все они, получив свои задачи, двинулись в город. Кто к городскому главе, кто к коменданту, чтобы немедленно согласовать возникшие рабочие вопросы по обеспечению, предоставлению и прочее, невзирая на неурочный час. От пытавшихся увязаться за ними репортеров отмахивались, пребывая явно не в лучшем расположении духа.

А под утро, когда улицы полностью опустели, из ворот порта потянулись нескончаемой вереницей подводы и кареты с ранеными, развозившие их не только в морской госпиталь, но и во все городские больницы и даже на вокзал, для дальнейшей отправки железной дорогой в Никольск-Уссурийск и дальше, для лечения. Эта процессия, как и планировалось, уже благополучно смогла избежать ненужного навязчивого внимания.

Несколько следующих дней, против всеобщего ожидания, прошли, в общем-то, довольно буднично. В торжественной обстановке состоялось захоронение умерших от ран по пути домой и уже в береговых госпиталях моряков и солдат. Никаких пышных торжеств по случаю одержанных флотом с момента его ухода громких побед в городе не устраивалось. Возвращение наместника, можно сказать, прошло в рабочем порядке.

Долгожданных выходных дней для отдыха измотанных экипажей также пока не последовало. Единственным послаблением для них стал объявленный шестичасовой рабочий день против десяти или даже двенадцати часов рабочего времени, ставшего нормой для всех остальных, в тех случаях, когда не имелось возможности организовать трехсменную круглосуточную работу.

На эскадре все понимали – расслабляться рано. Сразу приступили к приемке боезапаса и топлива. Ждали скорого ответного удара разозленного противника и, как могли, готовились к этому. Так что появление японских больших кораблей в Броутоновом заливе, а потом и у Посьета восприняли спокойно.

Но когда, едва показавшись в виду наших берегов, японцы сразу ушли, даже как-то растерялись. Опасались подвоха. Весьма способствовало нагнетанию обстановки довольно близкое японское телеграфирование. Только после возвращения отправленной разведки, установившей наличие всего лишь нескольких дозорных судов у выхода из залива Петра Великого, и после анализа расшифрованных японских депеш чуть успокоились. А когда успешно встретили вернувшиеся крейсера Добротворского, спокойно сопроводив их от залива Америка до базы всеми боеспособными (с большой натяжкой) силами, окончательно уверились, что атаковать, по крайней мере в ближайшее время, самураи не намерены.

В главной базе русского Тихоокеанского флота тем временем в полную силу развернулись предремонтные хлопоты. И без того крайне плотный рабочий график всего инженерного корпуса пришлось уплотнить дополнительно. Выходных или праздничных дней ни у высшего командного и технического состава, ни у армейских начальников и всех их подчиненных, тем более у мастеровых, теперь не было вообще. Работы всем хватало с избытком, но при этом не переставали спрашивать и за боевую подготовку.

Сам Зиновий Петрович, на следующий же день после прихода «Богатыря» и «Светланы», все же дав обещанную пресс-конференцию, безвылазно находился в штабе. Договорившись с Гинсбургом¹ по основным пунктам заключаемого нового договора о снабжении флота всем необходимым, он вплотную занялся своими непосредственными обязанностями. Требовалось войти в курс дел на вверенном ему театре боевых действий в целом.

В первую очередь, еще на переходе домой, начали прорабатывать возможные варианты доставки на Цусиму боеприпасов, для восполнения убыли в погребках батарей и оставшихся там кораблей, поделившихся с уходящим флотом последним, что было. Этот вопрос требовалось решить срочно, поскольку вероятность массовой атаки на острова все еще оставалась очень высокой. При этом нужно было иметь в виду, что возможности провести охраняемый конвой в ближайшее время не будет.

Итогом стала отправка уже 8 августа трех корейских и одной трофейной шхун и двух китобойных парусных судов фирмы Кайзерлинг в рискованную экспедицию на юг. Из них до

¹ Гинсбург М. А. – купец первой гильдии. Основатель и глава торговой компании «М. Гинсбург и К^о». С восьмидесятих годов девятнадцатого века был главным поставщиком Русской Тихоокеанской эскадры и на этом поприще заслужил исключительно лестные отзывы. За свой счет помогал в эвакуации гражданского населения Порт-Артура. Неоднократно предлагал Морскому ведомству военно-коммерческие проекты, выгодные по финансовым и временным соображениям. После падения Порт-Артура предлагал обеспечить Вторую эскадру всем необходимым для базирования в Индокитае и блокирования Японских островов. При этом, организуя поставки, делал все быстро и качественно, несмотря на саботаж наших официальных доброжелателей. На транспорте с припасами, шедшем с эскадрой, при пересчете груза в Кронштадте его оказалось на три миллиона рублей больше, чем выдано кредитов. При этом, по словам экспертов (англичан) погрузить все это за такой срок было возможно только за сверхурочную оплату.

конечной точки маршрута добрались только китобои, трофей и одна из корейнок (судьба двух других так и осталась неизвестной). Это несколько смягчило «снарядный голод» в Озаки, хотя окончательно проблему не сняло.

Для ее решения уже готовили к походу один из имевшихся в базе больших пароходов-крейсеров. Вернувшись из Тихого океана, оба они немедленно были поставлены к заводской стенке для послепоходового ремонта и пополнения запасов. На «Тереке», после первичного осмотра механизмы признали вполне исправными, и он приступил к бункеровке. А вот с силовой установкой на «Днепре» имелись довольно серьезные проблемы, и в ближайшие недели две, а то и целый месяц, он в море выйти не сможет.

Результаты их крейсерства, уже прозванного в матросской среде «пехотным круизом», так же как и общее техническое состояние, оказались совершенно разными. Приведенный «Тереком» большой германский пароход компании «Норд Дойче Ллойда» «Граф Валдерзее» в 12 075 тонн и ходом в 14,5 узла, перехваченный на пути в Йокосуку был, безусловно, ценным призом. Он шел с грузом деталей паровых машин (котельные трубы, запорная арматура, вспомогательное котельное оборудование), телеграфного провода и оборудования телефонной и телеграфной связи производства немецких заводов, а также боеприпасов к морским пушкам калибром от 76 до 203 миллиметров английского производства, и потому однозначно являлся контрабандистом. Неплохим результатом вояжа было и потопление тем же «Тереком» четырех японских судов общим тоннажем около девяти тысяч тонн.

Зато его напарник «Днепр» в ходе крейсерства успел досмотреть лишь несколько нейтральных судов, почти все пустые, и потопить две шхуны и один небольшой каботажник, после чего нарвался на замаскированный японский вооруженный пароход. В быстротечном бою на малых дистанциях наш огромный лайнер-крейсер, вполне традиционно, нахвтался японских снарядов и, несмотря на все импровизации с защитой из бухт троса, мешков с углем и прочего, получил повреждения трех котлов, два из которых до прихода в базу полностью «скисло», ограничив полный ход всего 15 узлами.

При этом, несмотря на то, что перестрелка продолжалась менее пяти минут, имелись большие потери в пехотных частях, остававшихся на борту после Осацкого дела. Как и задумывалось, скупавшая от безделья пехота каждый раз высыпала на палубы поглазеть на аттракцион, устраиваемый моряками при абордаже на приличном волнении. Вот и получила свою порцию шимозы.

Хорошо еще, что бой произошел уже через несколько часов после уничтожения «Днепром» бельгийского контрабандиста «Низам». Благодаря этому, его экипаж оказался свидетелем подлой выходки японца, до последнего прикидывавшегося грузопассажирским английским судном и в упор расстрелявшего шлюпку с досмотровой партией из замаскированных на палубе современных скорострелок. Одновременно был открыт огонь и по приблизившемуся рейдеру. Коварный японец стрелял до последнего момента, пока не взорвался погреб и паровой котел, так что спасшихся с него не было.

Этот случай вынуждал все наши крейсера в дальнейшем действовать более жестко в отношении судов нейтральных стран в японских водах, о чем было официально заявлено российским МИДом. Японцы в ответ скромно промолчали, зато в американских и английских газетах поднялся настоящий вой об очередном акте пиратства русских варваров, потопивших гражданское судно со всеми пассажирами.

Публикации рассказа об этом инциденте возмущенных бельгийцев, двое из которых были ранены в том бою, назывались грубой инсценировкой. Вершиной этого раздутого скандала стала публикация в «Таймс» статьи, прямо призывающей к применению военной силы против русского флота, действующего на Дальнем Востоке.

Одновременно в «Вашингтон Пост» вышла статья, в которой заявлялось, что Америка не допустит поражения Японии в этой войне. Официальной реакции ни из Лондона, ни из

Вашингтона пока не было, но долго ее ждать, вероятно, не придется. И будет она вполне предсказуемой.

Это требовало аргументированного и убедительного ответа. Но пока он еще не был готов. Выступить в роли оправдывающейся стороны казалось изначально не верным, а для перехода в наступление еще и на «газетном» фронте требовалось запастись надежными «kozyрями» и выложить их на стол максимально эффективно.

Грузы для цусимского гарнизона уже заготавливали в порту, рассчитывая приступить к погрузке сразу, как закончат бункеровку и пробные пробеги «Терека» после обслуживания механизмов. Для ускорения этих мероприятий туда отправили всех свободных, кто подвернулся под руку, без разбора. При этом причина такой спешки отнюдь не являлась секретом ни для кого из работавших на крейсере.

По вопросу немедленного начала строительства барачков для рабочих взамен сгоревших от японского обстрела все необходимые документы канцелярия успела подготовить. Их оставалось лишь подписать, что не должно было занять много времени. За эту довольно хлопотную работу брался широко известный во Владивостоке предприниматель и лесопромышленник Суворов Михаил Иванович, обещая управиться еще до холодов.

С момента возвращения эскадры он настойчиво добивался аудиенции у наместника, заявляя, что имеет перспективное предложение относительно этого строительства. По наведенным справкам репутация у него была безупречной. Хотя с началом войны его дело серьезно пострадало, поскольку предприятия, дававшие основной доход, находились в Маньчжурии, лишних денег за свою работу он не драл.

Флот уже имел с ним дело, когда потребовалось срочно провести хотя бы временную телеграфную линию для обеспечения надежной связи залива Ольги с Владивостоком. Он тогда оказал немалое содействие в этом, поскольку, среди прочего, уже несколько лет занимался горными разработками на побережье от мыса Поворотный в восточном направлении, как раз до Ольгинской гавани. Тогда даже такая зачаточная освоенность береговой черты при активном содействии его компании позволила вести работы сразу на восьми участках одновременно и пустить линию в эксплуатацию в кратчайшие сроки.

Сейчас он по-прежнему испытывал серьезные финансовые затруднения, однако не прекращал жертвовать на богоугодные дела и прочую благотворительность. Но Рождественского больше удивило, что, даже еще не заключив контракта, его рабочие уже начали закладывать фундаменты и завозить необходимые материалы. Он ждал, что появятся какие-нибудь доброты, ратовавшие за него, но напрасно.

Поскольку Суворов каждое утро ожидал в приемной, встретиться с ним для прояснения неясных моментов труда не составило. Михаил Иванович действительно подготовил серьезное предложение, причем такое, что Рождественский даже испытал изрядный шок, причина которого для присутствовавшего при разговоре лейтенанта Свенторжецкого так и осталась до конца не ясной.

Будучи моряком, он, как и Зиновий Петрович, мало смыслил в технологиях строительства, в современных и не очень. Но прозвучавшая в самом начале разговора фраза про целесообразность сооружения дешевого многоквартирного типового жилья из крупногабаритных бетонных панелей, на него вообще не произвела никакого впечатления в отличие от «шефа».

Несколько последующих фраз Рождественского, заметно побледневшего и начавшего как-то странно вглядываться в лицо коммерции советника купца первой гильдии, сына крестьян М. И. Суворова, заметно растерявшегося от такой реакции, вообще заронили в душу Свенторжецкого сомнения в благополучии здоровья наместника.

Сверля собеседника взглядом, он словно процитировал с ехидными интонациями в голосе: «Энто где же ты, злодей, набрался таких идей?..»²

Совершенно сбитый с толку, Суворов с надеждой оглядывался на Евгения Владимировича, явно не понимая, чем так разгневал высокое начальство. Ведь еще и сказать-то толком ничего не успел. К его чести надо отметить, что паниковать он явно не собирался, просто соображал, как дальше строить беседу.

А Рождественский, между тем, все с таким же выражением на лице ввернул еще несколько «цитат», но уже совершенно неуместных в контексте разговора, тоже оставшихся без ответа. Видимо, так и не увидев желаемой реакции от Суворова, он как-то сразу сник, начав сильно растирать лицо руками, и извинился, сославшись на усталость. После чего предложил Михаилу Ивановичу выпить пока чаю в приемной и продолжить разговор минут через десять.

Когда купец вышел, попросил и Свенторжецкого тоже оставить его, закулив и подойдя к открытому окну. Было видно, что сигарета в руке подрагивала. При этом дышал он шумно и глубоко, словно воздуха не хватало. Потом вдруг обернулся и предложил: «А давайте-ка мы с вами коньячку по чуть-чуть, а то что-то я совсем замотался».

Когда старший флаг-офицер уже выходил за дверь, чтобы исполнить просьбу, он добавил озабоченно: «Вы проследите, чтобы этот там не ушел никуда!»

Пребывая в совершенном замешательстве, теряясь в догадках и предположениях, действуя машинально, лейтенант отдал соответствующие распоряжения относительно посетителя, потом составил на поднос коньяк, рюмки, чай (на всякий случай), вазу с печеньем, порезанный лимон и вернулся в кабинет. Там застал уже самый конец телефонного разговора. Рождественский выяснял у кого-то про «панельное домостроение». Вид он еще имел бледный, но в остальном все было в порядке.

Предупреждая уже почти заданный вопрос, поднял руку перед собой и тихо сказал: «Не спрашивайте ни о чем, прошу вас! Просто померещилось черт знает что. Не выпался, наверно». После улыбнулся и снова удивил тостом: «За светлое будущее!»

Выпили, покурили молча, глядя через окно на бухту и стоящие в ней корабли эскадры и транспорты. Потом еще раз выпили, и Рождественский, оттаяв, обронил: «А панельные дома, оказывается, уже могут строить! А я и не знал!» Потом обернувшись и улыбнувшись уже совершенно своей улыбкой, сказал: «Давайте сюда этого рационализатора!»

«Переваривая» непривычное слово, уже в который раз за это утро (да какое утро, за полчаса всего!) «ошалев» от вывертов своего «патрона», Свенторжецкий пригласил Суворова для продолжения разговора.

Выяснилось, что он предлагает не строить деревянные бараки, а возводить сразу бетонные из этих самых панелей. Он, оказывается, уже все для этого подготовил: опалубки для наружных стен разной формы, для тонких внутренних и для перекрытий. При этом продумал технологию, обеспечивающую литье с воздушными пустотами для тепла и общего облегчения конструкций. Даже цементом запаса на первое время и всю оснастку для перевозки и установки на место изготовил, поскольку литейная и механическая мастерские пока еще свои имелись.

А закладываемые им уже сейчас фундаменты годились как для кирпичного, так и для панельного строительства. А уж для деревянного тем более. При этом Михаил Иванович доказывал, что при массовом строительстве такие дома окажутся намного дешевле даже деревянных, предьявляя свои расчеты.

На вопрос, на что тот надеялся, когда, не заключив контракта, шел на такие траты, Михаил Иванович ответил: «Так жить-то людишкам надо где-то. Я помогу, еще кто-то. Бог даст, так всем миром и отстроили бы».

² Цитата из поэмы Леонида Филатова «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца», написанной в 1985 году.

На всех бумагах, поданных Суворовым³, Рождественский поставил резолюцию: «Оказывать всемерное содействие! Лично прослежу!!!», после чего отпустил совершенно обалдевшего от свалившегося на него счастья бывшего лесопромышленника, а теперь судя по всему первого в России, а может и в мире, заводчика, основателя ЗКПД⁴.

А день продолжался. Подробный рапорт «О бомбардировке города Владивосток японскими крейсерами», подготовленный начальником штаба крепости бароном фон Будбергом, наместник планировал изучить позже, пока же ограничившись его кратким устным изложением из уст самого автора, вызванного после полудня.

Было весьма неприятно услышать, что на самом деле имело место сигнализирование подошедшим японским кораблям с нашего берега. Причем сразу в нескольких местах. Благодаря чему они смогли быстро пристреляться. Задержать мерзавцев не удалось, ушли с перестрелкой.

Возвращавшийся как раз в этот момент из поездки в один из скитов епископ Владивостокский и Камчатский Евсей, оказавшийся случайным свидетелем, был тяжело ранен, а сопровождавшие его два иеромонаха и четверо трудников убиты. Судя по всему, это не ограбление. Будь лихие люди какие, так крест золотой, от которого пуля и срикошетила, первым делом бы стянули, несмотря на то, что погоня за ними шла, а тут не взяли. Просто не вовремя на глаза попался. Что заезжие какие – это точно. Из местных никто его не тронул бы. В народе отца Евсея любят.

По городу прокатился слух, что он тоже убит. Его не опровергали, отправив батюшку на излечение на станцию Надеждинская, не на глазах и не далеко, а всем объявили, что тело увезли похоронить на родине, как он и завещал. Сейчас раненый уже пришел в себя и идет на поправку, так что есть надежда, что сможет опознать стрелявших. Их четверо было. Все говорили по-русски.

В самом Владивостоке от снарядов и пожаров погибло 37 человек. Еще 112 ранено. Сгорели рабочие бараки, к счастью, далеко не все. Тут поклониться надобно старшему инженеру-строителю Исакову. Если б не его плотины на реках и ручьях, не хватило бы воды. Тогда, может статься, уже ни город, ни завод бы не отстояли.

А что до военных результатов этого нападения, так их, считай, и нет вовсе. Ни корабли в гавани, ни доки не пострадали. Выбитые стекла в госпитале и Сибирском экипаже не в счет. Повреждения на батареях, подвергшихся наиболее интенсивной бомбардировке, также не велики и ограничились разрушением нескольких временных бытовок да массовой вывалкой леса, частично раскрошенного снарядами в щепу.

Однако следует отметить, что ведению ответного огня обстрел мешал очень сильно. Куски разбитых деревьев, камень и осколки снарядов, в большом количестве залетающие непосредственно на позиции, вынудили прислугу орудий искать укрытия. При строительстве батарей возможность ведения боя на столь малых дистанциях, позволяющих уверенно концентрировать огонь скорострельных орудий сразу с нескольких кораблей на одной цели, не учитывалась.

Вполне возможно, что и через мины японцев тоже кто-то провел, но это все же менее вероятно. Отследить установку заграждений, особенно новых, было невозможно, а их схемы теперь хранятся надлежащим образом и, можно надеяться, еще не известны противнику. В

³ Коммерции советник купец первой гильдии М. И. Суворов имел строительное образование и на самом деле предлагал строить дешевые дома для рабочих во Владивостоке из бетонных панелей, в соответствии с передовыми веяниями в отрасли. Но было это в 1908 году, и его тогда никто не поддержал. А поскольку его предприятие так и не смогло выправиться после русско-японской войны, вскоре он окончательно разорился и умер в Москве, куда уехал в надежде получить кредит. Стоит заметить, что во Владивостоке он пользовался большим уважением, о чем говорит тот факт, что после его смерти все кредиторы единодушно отказались от взыскания долгов.

⁴ ЗКПД – завод крупнопанельного домостроения.

отличие от береговых укреплений, много раз осматриваемых всеми иностранными военными агентами (да и не только ими), причем всегда с разрешения главнокомандующего. Английский агент Эрес при этом даже чертил кроки, а потом переехал к японцам под Мукденом, якобы попав в плен. О какой секретности можно говорить в таких условиях!

Далее обсудили ситуацию с выявлением японской агентуры, все еще остававшейся весьма активной и, как показали все эти события, эффективной. По словам начальника штаба крепости, в последние пару месяцев удалось добиться не мало, но окончательно выкорчевать тщательно пророщенную шпионскую заразу, планомерно и систематически возделываемую во Владивостоке до войны Японским коммерческим агентством, вряд ли возможно.

Причем даже использование опыта подобной работы в Порт-Артуре не слишком помогает делу, ввиду принципиального различия сложившихся к 1904 году японских общин в этих русских крепостях. Владивостокская, с самого начала была организованным сообществом, хорошо контролировавшимся Японским коммерческим агентством, а в Артуре – случайно сформировавшимся аморфным образованием.

Отсюда и серьезные различия в уровне задействованных агентов. В Артуре работали спешно нанятые за деньги торговцы и перевозчики, легко терявшие интерес при угрозе своим прибылям, а во Владивостоке – обеспеченные максимальным прикрытием со стороны не только разведывательных структур армии и флота, но также и японского МИДа хорошо подготовленные офицеры.

Нет ничего удивительного, что они смогли внедрить своих агентов не только во все структуры крепости и порта Владивостока, но также и далее по железной дороге, в Харбине, Благовещенске, Чите и Хабаровске, создав настоящую сеть. Причем вся эта сеть действует согласованно, в то время как с нашей стороны долгое время наблюдались только локальные, разовые узконаправленные акции.

Даже после того, как с началом войны из города уехали представители «Мицуи Буссан» и «Нихон Юсен» и самый ярый защитник торговцев-шпионов коммерческий агент Каваками, здесь сохранились отлаженные каналы передачи информации и снабжения всем необходимым. А агенты, еще оставшиеся на свободе, – большей частью европейцы или даже русские, изболить которых удастся только благодаря случайностям, что происходит слишком редко⁵.

Большим подспорьем стало неожиданное прибытие в распоряжение Приамурского жандармского управления в конце июня сразу трех десятков хорошо подготовленных агентов и следователей. Будберг изъявил готовность предоставить отчет обо всем озвученном, но Роже-Ственский его остановил словами: «Вы тут сами разбирайтесь. Мне не до того, но чтоб были результаты, а не показатели!»

После нескольких уточняющих вопросов и последовавшей получасовой беседы на другие неотложные темы начальник штаба крепости отбыл по своим делам, а наместник вернулся к своим, ознакомившись раньше всего прочего с реализованными (и не очень) в его отсутствие мероприятиями по повышению обороноспособности самой базы и прилегавших к ней территорий. Причем сразу же был весьма удивлен по-прежнему неторопливыми темпами, которыми кое-где выполнялись запланированные еще в конце мая первоочередные работы.

Так, на возобновленной, было, прокладке стратегически важной железнодорожной ветки от 30-й версты Уссурийской железной дороги до Сучанских каменноугольных копей протяженностью в 110 верст наметилось явное отставание от графика. Дело тормозится, в первую очередь, из-за до сих пор не отмененного предписания столичного начальства, которое в самом начале года распорядилось прекратить строительство по причине его необеспеченности и возможности захвата японцами.

⁵ См. комментарий 1 в конце книги.

Несмотря на то, что только земляных работ на данный момент выполнено более чем на миллион рублей, а все доводы в пользу прекращения стройки явно устарели, столичной бумагой кое-кому удобно прикрываться, саботируя прямой приказ наместника. В данный момент сучанский уголь вывозят на лошадях до бухты Находка, а дальше малым парусным каботажом – во Владивосток. При этом с пуда платят 17 копеек, а берут 31 копейку! Что гораздо больше обычной цены.

Едва узнав обо всем этом, Рождественский приказал немедленно выяснить, какой во всем этом интерес «Уссурийского Горно-промышленного общества», чьи акционеры в свое время настояли на сворачивании работ, и как они связаны с тем, кто в данный момент организовал перевозки? Особо обратить внимание на господина Шведе, английского коммерческого агента, являющегося директором-распорядителем этой акционерной компании с самого ее основания.

В отношении него уже подавались материалы от жандармского управления еще в конце мая. Но за общим валом дел до конкретного решения вопроса тогда не дошло, а без санкции высокого начальства столь влиятельного человека, водившего знакомства, если не дружбу, с губернатором, комендантом, прошлым и нынешним, а также со всем высшим обществом Владивостока, трогать никто не решался.

Но это было делом гражданских ведомств, где плотно переплелись коммерческие интересы, разбавленные конкуренцией, не всегда добросовестной. Ни чьим конкретным приказам они подчиняться были не обязаны и могли действовать по своему усмотрению в рамках закона. Однако подобное безобразие в военном ведомстве являлось уже фактом возмутительным.

В этом смысле поражала «нерасторопность» начальника совсем недавно организованного Посъетского отряда генерал-майора Щупинского. Согласно полученным отчетам, несмотря на значительное увеличение численности подчиненного ему гарнизона, мер по обеспечению продовольствием с использованием местных ресурсов там до сих пор не принималось. Богатые рыбные промыслы почти не использовались. Того, что ловили местные, явно не хватало на всех. К тому же никаких перерабатывающих мощностей не создавалось, а пытавшуюся обосноваться там корейскую рыболовецкую артель вынудили убраться восвояси.

Поскольку из-за частых морских туманов рожь, пшеница, овес и ячмень мало где успевали дать нормальный урожай, да и то крайне редко, крестьянских наделов, могущих обеспечить не только войска, но даже самих местных жителей хлебом, в тех местах не имелось. Добывали морскую капусту, но всю провизию вынужденно завозили морем.

Вдобавок выяснилось, что в заливе Посъет до сих пор не достроена ни одна из намеченных береговых батарей, хотя пушки и все необходимое снабжение для этого отправили из Владивостока более двух месяцев назад. Сеть сигнальных постов, развернутая силами флота, давно закончена и исправно функционировала, а береговые телефонные и телеграфные линии армейского подчинения, которыми предполагалось объединить это все в единое целое, обеспечив устойчивую связь с крепостью, едва начали прокладывать, да так и забросили в незавершенном виде.

В данный момент связь постов со штабом морской обороны обеспечивалась лишь световой сигнализацией, а при недостаточной видимости, что летом, в сезон туманов случалось часто, с использованием судов и малых плавсредств артиллерийского полигона, а также и нарочными. Далее все сообщения попадали сначала в штаб Щупинского и только потом на почтово-телеграфное отделение поста Посъет, откуда уже, наконец, отправлялись во Владивосток.

Прохождение всей этой цепочки даже при идеальных условиях занимало от полутора до двух с лишним часов, а в туман и вообще становилось не гарантированным. Срочный сигнал тревоги в этом случае подавался выстрелом из винтовки, который при сильном ветре или в грозу не всегда могли слышать с соседних постов. Это неминуемо вело к явному запаздыванию реагирования.

Сухопутное сообщение осуществлялось по тележному тракту протяженностью более двух сотен верст, если считать от Владивостока. От ближайшей станции меньше. Начатая еще в начале июня узкоколейная железная дорога Владивосток – пост Посьет, которая должна была дать возможность быстрой переброски войск в случае необходимости, продолжала строиться только со стороны Владивостока, откуда провели уже весь свой участок до самого залива Славянский и заканчивали его окончательное обустройство. В то время как из Посьета не прошли и трети пути, хотя все необходимое для стройки постоянно завозили морем, отправив уже все положенное по сметам.

Причем этот завоз, из-за значительности объемов переваливаемых грузов, тоже вызывал немалые трудности с самого начала, поскольку новую деревянную пристань, подряд на которую взял лесопильный завод Монсэ и должен был сдать в казну к концу июня, еще только начинали возводить. Там до сих пор не закончили бить сваи. Из-за этого разгрузка судов проводилась рейдовым способом баркасами и лихтерами. Приставать к берегу могли лишь небольшие местные шхуны.

Причина задержки была в том, что этот самый Монсэ гораздо больше внимания уделял частному строительству на берегах бухты Экспедиции, с которого и имел основной доход после прекращения заграничных коммерческих рейсов. А там все сгружалось сразу на берег и уже оттуда развозилось гужевым транспортом. «По ошибке» брус и балки, предназначавшиеся для пристани, также ушли туда.

Получалось, что любые работы, оплачиваемые из казны, продвигались ни шатко ни валко, зато небольшие частные компании, занимавшиеся строительством дач, в последнее время заметно активизировались. Близость границы и сравнительно легкая доступность с моря их не пугали ничуть.

Неторопливость берегового начальства в обустройстве обороны объяснялась, вероятно, частым присутствием военных кораблей на артиллерийском полигоне в бухточке Пемзоя, где в последнее время постоянно гремели тяжелые пушки. В этих условиях комендант рейда Паллада полковник Осташевский, проживавший на своей недостроенной даче в окрестностях поста Посьет, регулярно откладывал начало работ, аргументируя это отсутствием у отряда саперных частей. Использовать войска на строительстве укреплений он не соглашался, ссылаясь на их занятость в угольных коях (кто-то же должен был достраивать дачу, причем не только его).

У местного армейского руководства любые распоряжения штаба флота в принципе вызывали негативную реакцию. А после получения приказа о возобновлении работ в старых выработках в бухте Экспедиции для обеспечения местным углем малых судов охраны рейда Паллада и артиллерийского полигона это еще более обострилось. Уголь там был низкого качества, продать который на сторону невозможно, зато строительство дач вообще практически встало из-за нехватки рабочих рук и материалов.

Сам начальник Посьетского отряда ни разу не соблаговолил проверить ход работ на новых укреплениях, целиком положившись в этом деле на коменданта рейда Паллада, представлявшего отчеты еженедельно. Основываясь на них, из штаба отряда во Владивосток отправлялись регулярные рапорты об успешном продвижении строительства, правда, с отставанием от графика. Эта маленькая оговорка никого в Посьете всерьез не тревожила, учитывая отсутствие специалистов такого рода. Там считалось, что оборону этого района, в случае возникновения угрозы, всегда обеспечит флот, находящийся рядом.

После появления в заливе присланных из крепости еще толком не боеспособных подлодок, эта успокоенность еще более окрепла. Местное командование сразу подмяло их под себя. Не вдаваясь в специфику несения службы, распорядившись без спроса в море не шастать, чтоб не сломать ничего и дорогой бензин не тратить. А при появлении супостата атаковать и утопить!

Никакие доводы о необходимости обслуживания и учебного плавания не действовали. Заряжать аккумуляторную батарею чисто электрической «Форели» сначала не разрешали из соображений экономии, а после вообще увезли предназначенный для этого паро-динамо на дачи. Там весьма высоко оценили преимущества электрического освещения, что окончательно решило вопрос о его «правильном» применении. А ответ на рапорты с планами учений был один: «Вам молодым все баловство, а казне расходы!» Отправляемые командирами субмарин во Владивосток депеши с отчетами попросту изымались и до адресата не доходили, так же как и послания для них из крепости.

С главной базы проверяющие не приезжали, так как у большого начальства и без залива Посьета хватало хлопот. Ограничивались лишь регулярными понуканиями, на что получали убедительные аргументированные отписки. Такая телеграфная возня окончательно всех успокоила.

В итоге, реальное положение дел в сфере обороны на этом участке высшему командованию оставалось неведомым до возвращения эскадры. Все вскрылось случайно, когда понадобилось сверить карты старых и новых минных полей залива Посьет с имевшимися в штабе флота. Хотели отправить посыльного по узкоколейке, но выяснилось, что она все еще не действует. Тогда отправили гонца морем.

Посланный за ними эсминец «Громкий», несмотря на плохую видимость, был своевременно обнаружен с сигнального поста на мысе Гамова, с которым обменялся опознавательными сигналами. Но известие о его появлении из-за туманной погоды у входа в залив достигло местного штаба морской обороны только спустя час после того, как сам миноносец уже встал на якорь в бухте Миноносок. При этом непосредственно в заливе видимость была просто отличной, зато не было флотских постов, только тыловые армейские. А они решили, что раз миноносец наш, нечего и шум поднимать да начальство беспокоить.

Командир «Громкого» капитан второго ранга Керн был изрядно удивлен, обнаружив внезапность своего появления на рейде Паллада. Тут и выявилась отсталость всей системы обороны залива Посьет в целом. И это при том, что еще до ухода флота на Цусиму здешнему командованию с нарочным отправили категорическое распоряжение ускорить работы по сооружению батарей и дороги, а также аналитическую записку. В ней обосновывалось, что именно доступный для высадки крупных сил пехоты в короткое время залив Посьет является самым уязвимым местом обороны крепости Владивосток, поскольку открывает прямой путь вдоль берега Амурского залива в обход укреплений на станцию Надеждинская и далее по железной дороге к Никольск-Уссурийску. Это теоретически позволяло противнику перерезать сухопутное сообщение единственной базы Тихоокеанского флота с остальной империей.

Явившись в штаб, Керн затребовал необходимые документы и схемы крепостных и прочих заграждений, предоставив необходимые для этого бумаги. Но сразу был отправлен на пост Посьет к командиру крепостной минной роты, распоряжавшемуся всем этим. Поскольку начальник штаба береговой обороны залива Посьет капитан второго ранга Иванов был поставлен в подчинение штабу отряда и, по сути, руководил лишь добычей угля и обеспечивал работу артиллерийского полигона в бухточке Пемзоя.

До всего остального ему просто не было дела, поскольку оборона залива с момента основания поста Посьет возлагалась на его сухопутный гарнизон, чье руководство весьма ревностно охраняло свою «территорию» от любых посягательств. До выслуги положенного ценза ему оставалось всего три месяца, так что сложившиеся отношения его вполне устраивали.

Сразу перейдя на рейд Посьет и прибыв в штаб Посьетского отряда, командир «Громкого» был отправлен от командира минной роты к коменданту, но там снова ничего не получил в ответ на свой запрос, кроме ссылок на секретность и отсутствие распоряжений непосредственного начальства рейда Паллада. Само начальство, по случаю воскресного дня, на

телефонные вызовы не отвечало, а после отправки нарочного появилось в штабе морской обороны только после трех часов ожидания в крайне раздраженном состоянии.

В итоге «зарвавшийся», по его высокому и непререкаемому мнению, капитан второго ранга едва не был помещен под арест по подозрению в попытке завладения секретной информацией с неясными целями. Но, в конце концов, его просто отправили обратно ни с чем, посулив учинить разбирательство по этому поводу до полного прояснения всех обстоятельств.

Гневная телеграмма об этом достигла Владивостока раньше, чем вернулся с «пустыми руками» сам «Громкий». Разбирательство все же было начато. Сразу всплыло разительное несоответствие своевременности обнаружения эсминца с сигнального поста на мысе Гамова и реакции штаба морской обороны, а особенно командования гарнизона поста Посъет.

Начальника Посъетского отряда сразу вызвали во Владивосток для полного и подробного отчета о ходе строительства укреплений и узкоколейной железной дороги в его зоне ответственности, а в залив одновременно отправили транспорт «Алеут» со специалистами связи, их имуществом и ревизионной комиссией на борту. Только спустя три дня после визита «Громкого» удалось выяснить причину отправки телеграммы с требованием разобраться и наказать капитана второго ранга Керна.

Ни о каком наказании речи, естественно, уже не было. Зато коменданта рейда Паллада, командира минной роты и начальника штаба морской обороны залива Посъет освободили от занимаемых должностей и отправили организовывать береговую оборону северного побережья Охотского моря. А генерал-майора Щупинского обязали исправить все вскрытые упущения в кратчайшие сроки, восполнив утраченное казенное имущество (цемент, кирпич, телеграфные столбы, строевой лес и пиломатериалы) за свой счет. Паро-динамо вернуть на артиллерийский полигон и использовать только по прямому назначению.

* * *

Еще до окончания разбирательств со всевозможной волокитой в крепости и вокруг нее наместник с частью своего штаба отбыл в Харбин для согласования дальнейших действий с высшим армейским руководством. Также требовалось достоверно прояснить ситуацию в Маньчжурии, поскольку из отчетов Линевича четкой картины не просматривалось. С одной стороны, все было стабильно и надежно. Перевес в силах и превосходство в обеспечении теперь явно оказались на нашей стороне. Но с другой – наступать считалось все еще слишком рано и рискованно по причине недостаточности этого самого снабжения. А времени, чтобы брать противника измором, не оставалось.

Еще в пути Рождественский отправил в ставку Линевича телеграмму с распоряжением организовать к своему приезду совещание с непременно участием всех трех командующих армиями или их начальников штабов, а также представителей из корпусов и дивизий. Все было исполнено, и на вокзале его встречала довольно представительная делегация. Но поскольку насчет секретности никаких распоряжений не было, не обошлось без почетного караула, оркестра и толпы восторженных зевак, которых едва сдерживало выставленное оцепление из спешенных и конных казаков.

Учитывая важность момента, к огромному удовольствию явно заскучавших в этой глуши репортеров, наместник-победоносец, как его успели уже «окрестить» за глаза, едва выйдя из вагона, дал речь, поднявшись на крышу одной из карет, в большом количестве скопившихся к его приезду на вокзальной площади.

С трудом нащупав ногами достаточно прочное место на хлипком верхе обычного почтового экипажа, заметно раскачивавшегося на своих рессорах, он в течение четверти часа тезисно обрисовал сложившуюся на данный момент политическую и военную ситуацию на Дальнем Востоке. При этом подчеркнув, что честной и равноправной торговле русский флот никогда

не препятствовал и препятствовать не будет, но попыток прикрываться ею для снабжения оружием вероломного и опасного врага не потерпит.

После этого все отбыли в ставку, где была намечена встреча с Фридрихом Леопольдом Прусским. Относительно него у Рожественского имелись инструкции из Санкт-Петербурга, в соответствии с которыми предстояло срочно организовать в маньчжурских армиях службу иностранных военных советников с гораздо большими полномочиями. Причем не в штабах, а именно в армиях для обучения современным тактическим приемам. Ключевую роль в ней должен был играть именно этот германский принц. Он прибыл в Харбин в мае, побывал в отряде генерала Мищенко и, как говорят, даже участвовал в каком-то деле.

Встреча прошла хорошо. И времени заняла не много, и результата добились. У немца также имелись свои инструкции с самого верха, как выяснилось, полностью совпадавшие по целям с теми, что получил наместник. Так что взаимопонимания достигли с самого начала. Итогом стало соглашение о замене части русских офицеров из свиты Фридриха Леопольда офицерами Генштаба, более подходящими для новых задач. А советниками-инструкторами непосредственно в учебных батальонах могут стать уже прибывшие с ним немецкие офицеры, а также дополнительный контингент, в данный момент едущий сюда по Транссибу.

Столь конструктивное начало визита вселило в Зиновия Петровича робкий проблеск оптимизма. Боясь спугнуть, он отправился в штаб и там, вместо подготовленного фуршета и торжественного молебна, сразу же начал совещание, где поочередно были заслушаны все прибывшие на него.

Как выяснилось, дела на сухопутном направлении обстояли не так уж и плохо. К концу июня 1905 года фронт на Сьпингайских позициях, вместе с далеко охраняемыми флангами, достигал ширины двести километров. Русские войска занимали позиции справа и слева от железнодорожной станции Сьпингай. К востоку от нее 1-я армия, а к западу 2-я. Много восточнее основных сил за хребтом Бейлаолми возле Хаймучена размещался отряд генерала Ренненкампа, являясь отдельной группировкой, противостоящей японскому правому флангу. Сообщение с ним было затруднено из-за сложного рельефа. Приходилось давать большой крюк к северу, что затрудняло маневр резервами, в случае возникновения такой необходимости. Впрочем, и у противника были схожие проблемы с правым флангом, хоть и в меньшей степени, благодаря более ровной местности. Третья армия, по решению генерала Линевича, находилась в резерве позади основных позиций, западнее железной дороги.

По числу штыков и сабель три русские армии существенно превосходили стоявшие против них пять японских. И подкрепления продолжали прибывать. Общая численность наших частей на линии соприкосновения перевалила уже за 445 000 человек при наличии тяжелых гаубичных батарей и большого числа пулеметов (374 штуки). Вместе с тылами набиралось более 780 тысяч. Еще 150 тысяч в Приамурье и северной Корее. Численность Южно-Уссурийского отряда перевалила за 23 000 человек при 64 орудиях.

В то время как у японцев, по заслуживающим доверия данным разведки, основывавшимся, в первую очередь, на результатах частых усиленных конных рекогносцировок с захватами пленных и изъятием документов у убитых японцев, перед войсками генерала Линевича стояли с запада на восток 3-я, 2-я, 4-я, 1-я и 5-я японские армии. В общей сложности в них едва набиралось 750 000 человек (включая транспортные формирования, состоящие из кули). Из них около 150 тысяч в тылу и в Корее.

При этом японские войска испытывали заметные трудности со снабжением, особенно обострившиеся в последнее время. Недостаток гужевого транспорта, бывший для их тылов главной проблемой сразу после высадки, удалось с лихвой компенсировать прокладкой сети полевых железных дорог, о чем сообщала наша разведка. Еще к началу октября 1904 года полевая узкоколейка была проведена от Яллу до Фынхуанчена и продвигалась на Ляоян. Теперь эта дорога была закончена. По данным разведки, японцы к сентябрю прошлого года закончили

перешивку колеи захваченной ими части ЮМЖД и привезли паровозы, что позволило наладить снабжение по железнодорожным веткам Дальний – Мукден, и Инкоу – Ташичао. Но с приходом нашего флота и резким сокращением поставок по морю, эта отлаженная система практически бездействовала. Просто нечего стало возить.

В ходе последних боев отмечалось резкое снижение активности японской артиллерии, не имевшей теперь снарядов в достаточном количестве. А японская кавалерия в Маньчжурии вообще перестала существовать как вид вооруженных сил. После оккупации нашим флотом Цусимы японские армии на континенте элементарно голодали. Недостаток продовольствия не могли покрыть даже обширные экспроприации у местного населения.

Зато они вызвали рост антияпонских настроений, со средневековой жестокостью подавляемых армией. Любому, заподозренному в шпионаже, публично отрубали голову. А для подозрения порой было достаточно одного взгляда на японского офицера. Такая манера поведения новых оккупантов заставляла местное население делать выбор между азиатами и русскими на своей земле. Уже было с чем сравнивать. Этим незамедлительно воспользовалась наша разведка.

Даже местные хунхузы все чаще отказывались грабить русских интендантов и тыловиков за японские деньги, предпочитая нападать на японские обозы. Самый известный из нанятых японцами главарей маньчжурских банд Чжень Цзолин был убит в перестрелке со своими подельниками. После чего часть его отрядов разбежалась, часть была выловлена нашей пограничной стражей. А оставшиеся перешли на русскую службу.

Военный комиссар Маньчжурской Гиринской провинции полковник Соковнин договорился с предводителем местных хунхузов Ханденгю о сотрудничестве за умеренную оплату в русских рублях. В результате его отряд, насчитывавший более десяти тысяч человек, прекратил набеги на русские коммуникации и даже, наоборот, взял их под свою охрану.

Безопасность перевозок по притокам Амура, имеющим в том числе и китайские берега, достигла того уровня, когда использованные ранее в целях охраны специальные вооруженные суда стало возможно привлекать к обычным транспортным рейсам. Потери грузов сократились в разы, а объем перевозимых товаров вырос на порядок.

Принципиально изменилась ситуация и в Монголии. Если с самого начала войны русских поддерживали только северные хошуны, сумевшие отстоять свою независимость от Пекина, то теперь, вслед за князем Южного Горлеса, заключившим договор об охране КВЖД, почти все перешли на нашу сторону и очистили свои территории от японских агентов и бандитского отребья. Даже в ставке явного японопоклонника Джанайд-вана теперь придерживались нейтралитета, хоть и не упускали случая нагадить исподтишка.

Воспользовавшись пассивностью противника, казаки из отряда генерала Мищенко к началу июля сравнительно легко овладели передовыми японскими опорными пунктами у деревни Санвайдзе, полностью уничтожив оборонявшийся там японский батальон, и существенно продвинулись в глубину их позиций на левом фланге.

Боевой дух японской армии был уже не тот! Серьезного сопротивления оказано не было. Это позволило продолжить движение в направлении города Кайпинсян, еще глубже охватывая левый фланг 3-й японской армии генерала Ноги и выходя в тыл всей японской группировке.

Однако прошедшие сильные дожди размыли дороги, сделав их непригодными для движения. К тому же для развития успеха не нашлось сил в достаточном количестве. Поэтому, как только позволила погода, Мищенко начал закрепляться на новых позициях, отправив в обход левого японского фланга только несколько казачьих сотен без обозов для действий против железной дороги.

Они прошли через Лицзявопу, продолжив затем движение на юг к Чжаньзявопу, где сбили японские передовые заслоны, обходя укрепленную японскую позицию с запада. Затем казаки вышли на Мандаринскую дорогу между Факумынем и Такудязой, разорив там большой

японский обоз. Продолжая движение на восток, дошли почти до Телина, выйдя на правый берег Ляохе, но не смогли ее форсировать и двинулись вдоль реки.

Попытка обойти селение Шилаза с юга не удалась, так как на Мандаринской дороге наткнулись на сильный японский отряд (саперный батальон и обозные части). Не желая ввязываться в бой, их пытались обойти, уйдя вдоль дороги снова на юг, к переправе через Ляохе, рассчитывая затем все же добраться до железной дороги Дальний – Мукден – Телин. Но у переправы наткнулись на сильный заслон, оказавший ожесточенное сопротивление. Имея серьезные потери, казаки были вынуждены повернуть на запад, атаковав селение Донсяза и уничтожив в жарком скоротечном бою его гарнизон. После чего сожгли все имевшиеся там армейские склады и двинулись обратно, перехватив попутно японскую роту, двигавшуюся к селению Цинсяйпа для усиления гарнизона. Внезапно атакованная пехотная колонна была почти полностью вырублена, после чего казаки вернулись в расположение своего отряда.

Помимо серьезного урона, нанесенного противнику, этим рейдом удалось выяснить расположение фланговых позиций, а также тыловых укреплений второй и третьей линии обороны, спешно сооружаемых японцами, и вынудить их развернуть резервную бригаду для усиления левого фланга армии Ноги.

Спустя три дня попытку прорыва конницы в тыл снова повторили, но на этот раз успеха не достигли. В дальнейшем активные действия казачьих отрядов из состава сил Мищенко против левого фланга третьей армии убедили Ояму, что основной удар готовящегося русскими наступления будет именно там.

Противник был вынужден оттягивать с передовых позиций регулярные войска для обеспечения безопасности своих перевозок. В японский тыл, несмотря на потери, постоянно отправлялись казачьи сотни, нападавшие на обозы на Мандаринской и Сынмитинской дорогах, нанося большой урон тыловым частям и гарнизонам, нарушая связь. Но добраться до значимых узлов железной дороги казакам не удавалось.

Набеги на железнодорожное полотно были малоэффективными. Последствия устранялись максимум за два-три часа. А поскольку охрана всех мостов была многократно усилена, ни один из них захватить наскоком не удалось, поэтому дорога, даже на несколько часов, перерезана не была.

Зато с установлением погоды под усиливавшимся нажимом 2-й армии японцы все же оставили Кайпинсян. Линия соприкосновения войск теперь имела заметно выдвинутый вперед правый фланг русских позиций. Это можно было использовать для наступления вдоль реки Ляохе, с последующим выходом к Телину, который являлся крупным транспортным узлом и опорной тыловой базой японских армий.

Кроме казаков в японских тылах появились и другие противники. Терпя постоянные жесткие притеснения от японцев и видя явные успехи русского оружия, все больше китайцев вступало в отряд «Пинтуй», созданный хабаровским купцом первой гильдии Тифонтаем и полковником китайской армии Чжань Чженюанем. Этот отряд был серьезной и хорошо организованной военной силой, имевшей на вооружении русские кавалерийские карабины, и вел активные партизанские действия в японских тылах на левом фланге русских позиций, занимаясь также и разведкой.

При отряде постоянно находились русские офицеры для связи и конные казаки для доставки депеш. Теперь русское армейское командование имело возможности для полноценной разведывательной деятельности в тылах японских армий. Кроме непосредственно нападений на японские обозы и разведки, «Пинтуй» организовывал снабжение казаков, действовавших в японских тылах, всем необходимым.

Далее пошел доклад по снабжению, тоже обнадеживающий, и еще несколько других, но уже менее важных. Почти все из того, что прозвучало на совещании, уже было известно из доставленной еще на Цусиму докладной записки Линевича. По сути, теперь наместник только

лично убедился, что все обстоит именно так, как ему докладывали (после случая с посъетскими рапортами, столь оптимистичные реляции вызвали некоторое недоверие, к счастью не подтвердившееся). Однако в этой связи, вставал вопрос о причинах недостаточной активности армии.

Чтобы убедить командуемого войсками в Маньчжурии и его непосредственных подчиненных изменить свое мнение о преждевременности крупного наступления, Рождественский, в свою очередь, предоставил отчет своего штаба и штаба Тихоокеанского флота обо всех последних событиях на морском театре боевых действий, а также успехах в Корее, достигнутых за последние два месяца. Там наши армейские части прочно закрепились на всей территории северо-восточной части страны вплоть до Гензана, от побережья Японского моря до перевалов горного хребта Хам-Киенг-То. За этим хребтом надежно контролировалась территория в бассейне реки Тюмень-ула, до самых ее истоков южнее города Мусан и до верховья рек Сунгари и Ялу с городом Сам-сю на западе.

Так как численности войск было явно недостаточно для полного контроля над занятыми территориями, оборона строилась вокруг основных опорных пунктов, как правило, бывших портами на побережье или расположенных в удобных бухтах или на командных высотах. Остальная местность оставалась под охраной застав, конных разъездов и корейских дружин, часть из которых возглавляли наши казаки или младшие офицеры.

Поскольку местные корейцы знали все дороги и тропы, а после того как им отдали трофейные японские запасы, относились к нашим войскам хорошо, любые передвижения контролировались достаточно плотно. В общем и целом, на явные диверсии никто не решался, так что в тылах у Корейского отряда было вполне безопасно даже ночью.

Удалось наладить телеграфную связь с Гензаном. Однако проводные линии, бывало, перерезались бродившими еще в этой местности остатками японских гарнизонов. Да и шпионов пока хватало. Но это ремесло стало теперь много опаснее, и плата за шпионаж возросла с прежних 300 рублей до 400–450 в месяц. А премии за особо ценные и срочные донесения увеличились вдвое. Причем все расчеты принимались только золотом. Несмотря на оккупацию северо-восточной Кореи, работу японско-корейско-китайской шпионской почты нарушить так и не удалось. Получалось перехватывать лишь некоторую часть отправляемых депеш.

Хотя не дошедших до адресатов агентурных сведений и стало больше, этого все равно было недостаточно для полной нейтрализации японской разведки, и с этим приходилось считаться. По этой причине пришлось постепенно свести к минимуму объем телеграфных согласований.

Главным итогом корейского наступления стал разгром 2-й резервной японской дивизии и тяжелые потери в 8-й. Имеются сведения, что в Корею в данный момент переведена еще 12-я дивизия, для парирования угрозы Сеулу и, соответственно, тылу всей Маньчжурской группировки.

Часть этих войск использована также для усиления гарнизона Мозампо. По данным разведки, после захвата Цусимы противник опасается нашего десанта еще и там. При этом переформированная 8-я и свежая 12-я дивизии изъяты из состава 2-й и 1-й японских армий соответственно, что, несомненно, ослабило их. Компенсировать это маршалу Ояме до сих пор нечем.

Разработанным штабом наместника предварительным планом совместных действий, с учетом предполагавшегося в самом ближайшем времени начала большого наступления в Маньчжурии, Корейский отряд должен был провести ряд отвлекающих операций, имитируя угрозу восточным флангам японских армий и их тылам, а флот – обеспечить сохранение давления на основные коммуникации.

Приступить к обсуждению этого плана предполагалось после небольшого перерыва. Поскольку поезд Рождественского добрался до Харбинского вокзала уже после полудня, а заслу-

шивания растянулись более чем на полдня, все присутствующие заметно устали и предложение прерваться на ужин приняли более чем благосклонно. Линеви́ч отлучился по неотложным делам, но и без него, даже уже за столом, общая тема не изменилась.

Армейское командование в Маньчжурии оказалось лучше информировано о беспорядках в стране. И бумагу, подобную той, что получал наместник, также читали. Но все воспринимали это по-разному. Совсем не многие считали, что есть необходимость ускорять события. Конечно, мысль Куропаткина, что чем дальше мы пятимся, тем дальше японцам везти снабжение, а нам наоборот, уже была не актуальна, но побуждения везунчика-адмирала к началу движения вперед казались еще преждевременными.

Аргументировали тем, что воевать на земле это не в море. Здесь брони нет, и чтобы от пуль да снарядов закрыться, сначала землю руками копать нужно, а наступать ножками, в грязи, под дождем да снегом. А многого на себе не утащишь. У солдатика еды на пару дней да патронов горстка, а когда оно кончится, жди, пока подвезут. Дорог, считай, нет вовсе. Дождь прошел, так даже и пешком не пройти, не то что с возами. Войска из европейских округов идут со своими повозками. Там все тройки да четверки, а тут больше парных двуколок ничего и не применишь. Все остальные в здешней глине тонут. Все перетряхивать надо. А куда? Это еще и изыскать сначала... Готовиться надобно! Еще лучше готовиться!

Подобные разговоры довольно быстро начали выводить Рождественского из себя, что проявилось в более резких выражениях. На это генералы ответили новыми потоками «аргументов», также начиная терять терпение. А когда в запале Зиновий Петрович упомянул «интендантов-миллионщиков», нашлись такие, что упрекнули и его в растратах и вредительстве, не забыв напомнить, что, вполне возможно, это именно с его делишками разбираться едет сюда Высочайшая комиссия. Может быть даже и прямо завтра и начнет, а сегодня нас на авантюру подбиваете! Война все спишет?!

Неизвестно, чем бы это все закончилось, но вернувшийся Линеви́ч, обнаружив, что совещание явно выкатилось из конструктивного русла, как старший из офицеров после наместника, предложил на этом закончить первый день и всем как следует выспаться. Тем более что за окном уже была глубокая ночь. Обсуждение дальнейших планов отложили на завтра, предполагая приступить к этому пораньше.

Когда все разъехались, Рождественский имел короткий разговор с командующим Маньчжурской армией с глазу на глаз. Однако Линеви́ч своего мнения не изменил и твердо был намерен наступать, только отразив попытку наступления японцев. На прямой вопрос, что он будет делать, если противник так и не решится атаковать, поскольку ему это сейчас не выгодно, не смог дать ясного ответа. На том и расстались.

Но продолжить совещание с утра было не суждено. Еще за четыре часа до намеченного времени к Рождественскому явился заведующий жандармско-полицейским надзором Маньчжурской армии подполковник отдельного корпуса жандармов Шершов, сообщивший, что сегодня до полудня ожидается прибытие поезда с важными персонами из столицы. Это событие приказано не предавать широкой огласке, и после встречи прибывающих лиц немедленно доставить их в штаб и ввести в курс дел.

Объяснить, кто и зачем приезжает, Шершов не мог, поскольку сам не был об этом информирован. В полученной им телеграмме с приказом четко предписывалось лишь обеспечить безопасность и организовать максимальное содействие. Он только мог добавить, что распоряжение исходило непосредственно из канцелярии его величества, о чем его приватно уведомил фон Валь, а позже и непосредственное начальство.

Тут жандарм был вынужден откланяться, так как за ним явился посыльный, а Зиновий Петрович невольно чертыхнулся про себя. Было очень похоже, что это приезжает та самая следственная комиссия либо кто-то, кем предстоит теперь руководить, «невзирая на происхождение», о чем говорилось в полученных пару недель назад телеграммах.

Исходя из этого, он начал соображать, кого из прибывших с ним офицеров, в случае чего, можно будет срочно отправить назад во Владивосток, с какими инструкциями и кого там ставить над всеми, если самому придется задержаться здесь дольше, чем рассчитывал. Но всего через полчаса уже пришлось ехать на вокзал и встречать поезд.

Оставив коляску на площади, он направился было к перрону, но у оцепления был остановлен капитаном из первой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, отрекомендовавшимся личным порученцем генерала Штакельберга Михайловым, и препровожден к запасным путям станции. По дороге туда миновали еще одну линию оцепления из спешенных казаков, но уже не торчавших у всех на виду, а просто контролировавших местность из укрытий. На арест это было не похоже, однако нервы, и без того расшатанные постоянными встрясками, натянуло основательно.

Уже когда подходили к одиноко стоявшему в тупике вагону первого класса, со стороны вокзала донеслись звуки оркестра, грянувшего «Встречный марш», а потом «Боже Царя храни». Там кого-то явно встречали. Но как вскоре выяснилось, главная встреча сегодня была именно здесь и именно у него.

В одном из окон вагона мелькнуло едва уловимое движение. Капитан, заметив его, показал рукой вперед, сказав: «Вам туда», и, развернувшись, быстрым шагом двинулся назад, оставив наместника примерно на полдороге.

Перейдя пути и оказавшись по другую сторону вагона, Рожественский увидел в открытой двери тамбура курившего великого князя Михаила собственной персоной. Это было настолько неожиданно, что он в первый момент совершенно растерялся и не смог вымолвить ни слова. Но Михаил сам быстро спустился к нему и просто подал для пожатия руку, предложив выпить с ним чаю. Но видя явное замешательство на лице наместника, тут же переспросил: «Может, покрепче чего? А то, я вижу, вы устали? Видно спали плохо?»

Далее, в течение двух с половиной часов брат императора и наместник императора обсуждали сложившееся положение дел, как в стране, так и непосредственно на театре боевых действий. При этом у Михаила оказались под рукой все рапорты, которые Рожественский отправлял в столицу, выкладки его штаба, штаба флота и штаба Линевица, а также масса других докладов, донесений и отчетов.

С самого начала великий князь пояснил, что поездом, который сейчас подошел к перрону, действительно прибыла Особая комиссия Канцелярии его величества и Главного военного-судебного управления. Но у нее свои задачи, и это никак не влияет на верховные полномочия Рожественского. А его приезд вообще должен пока оставаться тайной, и задерживаться в Харбине он не намерен. Уже завтра литерным поездом планируется выехать во Владивосток вместе с Зиновием Петровичем и некоторыми местными высшими офицерами. Все ключевые решения, обязательные к исполнению здесь, будут приняты уже сегодня.

Следом, с отставанием недели на две, если не больше, идет еще один поезд – с представителями МИДа и прочими лицами. В их обязанности входит организация официальных переговоров о мире уже на высшем уровне и прочих, связанных с этим, протокольных мероприятий.

Глава 2

Тем временем во Владивостоке, как только наместник отбыл в Харбин, командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Бирилев предпринял инспекционную поездку по всем кораблям вверенного ему флота с целью выяснения его фактической боеспособности и выработки срочных мер по ее повышению.

Состояние этих самых кораблей, всех без исключения, оказалось просто критическим. Особенно это касалось пришедших с Рождественским «сокрушителей Сасебо». По механической части требовался серьезный ремонт котлов и машин. Электрическое оборудование также очень сильно изношено. По корпусам и вспомогательным системам набирался длинный список обязательных работ, без которых даже просто выход в море становился крайне рискованным, не говоря о продолжении боевых действий. Но самым проблемным моментом было не это.

Грозные с виду броненосцы оказались практически безоружными, в прямом смысле слова. По артиллерийской части их состояние ужасало. Как стало известно из результатов осмотра специалистами артиллерийского комитета штаба, на всех кораблях линии, вооруженных современной артиллерией, пушки главного калибра расстреляны до критических пределов.

В ходе бомбардировки батарей и последовавшего за этим боя в порту Сасебо на «Адмирале Ушакове» разошлись скрепляющие кольца на двух десятидюймовках, сделав орудия, и без того потерявшие прежнюю точность из-за износа канала ствола, совершенно непригодными. При этом они оба вышли из строя при стрельбе на близких дистанциях ослабленными зарядами. Следовало ожидать, что примерно в таком же плачевном состоянии находятся подобные стволы так называемой облегченной модели и на «Сенявине».

Третий броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» оказался в несколько лучшей «форме». Он все еще мог считаться ограниченно боеспособным, благодаря тому, что у него набиралось заметно меньшее общее число выстрелов на каждый ствол, а сами пушки «улучшенного чертежа». Более тяжелые и прочные. К тому же на нем башенная артиллерия имела угол возвышения в 35 градусов. Так что, несмотря на уже появившийся износ, добросить свои снаряды до противника в случае боя у него шансы оставались, хотя и с далеко не прежней точностью.

На полноценных броненосцах ситуация была не лучше. Дольше всех ждавшего своей очереди на ремонт подводных повреждений «Сисоя» наконец ввели в только что пущенный новый док. Работы на нем продвигались довольно быстро, так как нуждавшиеся в замене листы обшивки и элементы набора корпуса были изготовлены заранее. Поскольку рулевая машина не пострадала, ремонт не должен был затянуться.

Его башни разобрали для демонтажа артиллерии. Хотя он после Цусимы в боях не участвовал, все четыре его двенадцатидюймовки расстреляли до упора на учебных стрельбах. Так что орудия, у которых появились признаки прогара, планировалось заменить пушками с «Князя Суворова», уже снятыми и подготовленными. Попутно отремонтировали станки и гидравлику, выполнив некоторые переделки для оптимизации и ускорения процесса заряжения.

Но итогом этой комбинации становилось то, что один ствол главного калибра все равно оказывался «ущербным», поскольку суворовское четвертое двенадцатидюймовое орудие вообще не подлежало ремонту. Недостающий в «ремкомплекте» ствол предстояло выбрать из восьми изношенных (кроме «Сисоя Великого» пришел в негодность по той же причине еще и главный калибр «Александра III»), отобрав наиболее сохранившийся из всех.

Тот факт, что не участвовавшие в сражениях корабли лишились главного калибра, казался возмутительным. Со стороны, не зная подоплеки, это можно было принять за явное вредительство и саботаж. Но Бирилев был одним из тех, кто на свой страх и риск давал санк-

цию на столь затратные мероприятия, да еще и во время войны. Ожидаемый от этого выигрыш должен был с лихвой перекрыть расходы.

Такое «расточительство» позволило составить точные таблицы стрельбы, очень сильно отличавшиеся от тех, что были у артиллеристов до этого. Что, в свою очередь, давало возможность сейчас экономить снаряды, а самое главное – время в бою, сокращая число залпов при стрельке. Теперь цель не нужно было «нащупывать». Имея точные таблицы, можно было уверенно стрелять по данным прибором.

В ходе стрельб «Александра» и «Сисоя», кроме вышеперечисленного и тренировки их команд, благодаря применявшейся системе ротации, прошли усиленный курс обучения и расчеты башен 305-миллиметровых орудий с «Суворова», оказавшиеся «безработными», которых теперь предполагалось перевести на «Орел» и «Бородино».

Хотя оба эти броненосца и так уже успели получить богатую артиллерийскую практику, тем не менее в поражении движущихся целей на больших дистанциях опыта почти не имели. Так что такое усиление их артиллерийских кадров позволяло достичь максимальной универсальности в кратчайшие сроки.

Вдобавок удалось разработать ряд мер по совмещению операций в подбашенных отделениях «Сисоя», что после уже реализованных небольших переделок в системах подачи и самих башнях по типу «Бородинцев» давало надежду на заметное повышение скорострельности главного калибра.

Приятным моментом для комфлота оказалось и то, что последний из поврежденных при прорыве через Цусимский пролив эскадренных броненосцев, «Александр III», заканчивал ремонт. На нем, еще до артиллерийских опытов, восстановили герметичность подводной части. Правда, полностью починить корпус в носу из-за спешки не удалось. Вдавленные взрывом торпеды шпангоуты нужно было переделывать.

Поскольку это затянуло бы сроки готовности корабля еще минимум на месяц, пришлось ограничиться чеканкой швов, давших течи, дополнительными креплениями для броневых плит, сдвинутых с мест, с подгонкой подкладки под ними и заделкой образовавшейся обширной вмятины деревом с последующей обшивкой железом до нормальных обводов. У рваных дыр от снарядов в бортах выше ватерлинии, где не был поврежден набор корпуса, пока только срубили зазубрины и закрыли их тонкими стальными листами внахлест, но все замеры поврежденных участков произвели и начали заготовку, разметку, рубку и гибку металла для их последующей полноценной заделки.

А уже после стрельб, когда корабль снова вернули на завод, на нем еще и расширили сектора обстрела башен среднего калибра за счет купирования части фальшборта. Сняли кормовой мостик для уменьшения перегрузки, а на обеих мачтах установили новые легко бронированные артиллерийские рубки, имевшие почти вдвое меньший вес.

Была также улучшена система управления огнем и полностью переделана электрическая проводка в башнях. В кожухе второй трубы устроили кузнечную мастерскую и установили одну из трофейных пневматических станций со всем необходимым инструментом для рубки, сверловки, чеканки и клепки⁶. Такими же кузнями и пневматическими станциями в ходе предстоящего ремонта планировалось оборудовать и оба оставшихся новейших броненосца и даже все крейсера первого ранга.

Сейчас на «Алексах» заканчивали монтаж 305-миллиметровых пушек, недавно прибывших из Петербурга из заделов по новым балтийским и черноморским броненосцам. А вот

⁶ Подобным образом оборудовались вступившие в строй уже после русско-японской войны новые черноморские броненосцы «Евтафий» и «Иоанн Златоуст». Причем поводом к такому дооснащению послужил именно опыт перехода Второй Тихоокеанской эскадры и «импровизации» на эту тему, примененные там.

заменить средний калибр в уже разобранных для этого бортовых башнях не удалось, поскольку давно ожидаемые шестидюймовки все еще не приехали, где-то затерявшись в пути.

В результате броненосец в ближайшее время выйдет на пробу машин с пустыми бортовыми башнями, закрытыми сверху только временной парусиновой крышей, так как со старым средним калибром уже расстались. Часть пошла на восстановление боеспособности других кораблей, остальные списали по причине предельного износа. Теперь предстояло их заменить в ходе прохождения кораблем курса боевой подготовки, по мере поступления. Правда, как это реализовать в условиях плотнейшей занятости мастерских, являлось большим вопросом.

Помимо предназначенных для «Александра III» орудий в ближайшее время ожидалось прибытие еще четырех стволов главного калибра для новых эскадренных броненосцев и не менее полутора десятков шестидюймовок Канэ с боекомплектами, не считая более мелких калибров. Поскольку запасов современной, особенно крупнокалиберной, артиллерии у флота не имелось, ведь менять стволы никто в адмиралтействе не планировал еще минимум несколько лет, пришлось применить «рокировку».

После известных событий на новейшем эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» вопрос с его разоружением в интересах Тихоокеанского флота решился положительно и неожиданно быстро. Причем кроме пушек отправлялись также динамо-машины, прочие электрические приборы и механизмы, часть брони и другого вспомогательного оборудования. Складывалось впечатление, что его готовы были вообще разобрать на запчасти и растащить куда угодно⁷. Все остальные орудия из заделов по новым броненосцам также уже находились в пути на Дальний Восток.

На «Николае I», стоявшем в доке «имени Цесаревича Николая», полным ходом шел ремонт подводной части и забортной арматуры. Девятидюймовая артиллерия, снятая и побывавшая в мастерских морского арсенала, уже монтировалась на свои места, и были приняты меры по увеличению производительности элеваторов. В башне сняли крышу и оба двенадцатидюймовых ствола. Круглосуточно шли работы по ремонту гидравлических приводов и станков. Улучшалась система подачи боезапаса, управления огнем.

От предложенной инженерным корпусом флота замены двенадцатидюймовок на тридцатипятикалиберные, снятые с черноморских броненосцев, отказались, из-за слишком большого объема необходимых переделок и жестких ограничений по срокам. К тому же «лишних» таких пушек еще не было. Хотя после разоружения «Георгия Победоносца» имелось целых шесть таких стволов, четыре уже пристроили, а сроки доставки оставшихся двух все еще оставались неясными.

Учитывая, что родные стволы еще вполне в удовлетворительном состоянии, и, по заверениям инженера частного завода Бюргина, занимавшегося ремонтом башенных механизмов в тесном взаимодействии с артиллерийскими офицерами броненосца, имеется реальный шанс оптимизировать процесс заряжения, путем совмещения некоторых операций, что в итоге заметно увеличит их скорострельность, вопрос закрыли окончательно. К тому же это позволяло рассчитывать на окончание работ по всей механике, обслуживающей артиллерию, одновременно с выходом из дока.

«Наварин», стоя у стенки завода, ремонтировал главные и вспомогательные механизмы. На нем переделывали электрическую проводку и тоже перебирали гидравлику в башнях, готовясь к замене орудий снятыми с «Георгия». Два из них находились уже на заводе. Их проверили и подготовили к установке. А эшелон со второй парой три дня назад прошел Харбин и должен был прибыть в ближайшее время.

⁷ Николай II, напуганный восстанием на новейшем броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический», был готов потопить его, о чем и отдал соответствующий приказ, так что против полного разоружения и расформирования, тем более временного, да еще в пользу воюющего Тихоокеанского флота, точно бы не возражал.

Те же специалисты, что сейчас трудились на «Николае», уже переделали снарядные элеваторы в батарейной палубе «Наварина». Это увеличило их производительность, одновременно повысив надежность. Теперь она соответствовала возросшей скорострельности его старых шестидюймовок.

Контролировавшие ход работ и их качество старший офицер броненосца капитан второго ранга Дуркин и старарт лейтенант Измайлов после весьма интенсивных и успешных испытаний даже шутили, что теперь там все работает как часы, намекая на швейцарское происхождение основателя завода Иоганна Рудольфа Бюргина, уже давно осевшего во Владивостоке, совершенно обрусевшего и успевшего обзавестись десятком детишек.

Одновременно силами механического завода отремонтировали водоотливную систему и доработали трюмную арматуру, для того чтобы иметь возможность быстро выравнивать крен, возникавший при развороте его неуравновешенных башен главного калибра перекачкой воды в междудонном пространстве или затоплением небольших отсеков с противоположного борта.

Вообще про ремонт «Наварина» шутили, что на нем проверяют уровень квалификации сразу всех фирм, имевших сейчас контракты с флотом. Кроме питерских и сормовских мастеровых, местных рабочих с Механического завода и частных подрядчиков Владивостока, на этом броненосце, можно сказать, жили, еще и сразу две бригады, прибывшие из Америки на «Белом Орле» с кое-каким своим оборудованием. Одна из Сан-Франциско, а другая вообще с другого края Америки, аж с Атлантического ее побережья – из Филадельфии с завода Крампа.

Американцы демонстрировали свой ускоренный способ рубки и сборки металлических конструкций, широко используя аппараты типа «Электрогешест». Но в отличие от русских, работали по шведскому способу Оскара Кьелберга. Под неусыпным надзором наших инженеров они укрепили угольниками продольные переборки угольных ям, опасно прогибавшиеся даже при неполном залипании отсеков еще на испытаниях при сдаче корабля в казну. А в жилой палубе на 17, 26, 30, 44, 57, 61, 70 и 83-м шпангоутах переделывали имевшиеся там переборки в водонепроницаемые⁸. Работали быстро, почти круглосуточно. Рассчитывая на перспективу, качество работ, несмотря на спешку, они держали на высоком уровне. Конкуренция!

Бирилев, увидев все это, пришел в ужас. Но, невзирая на полнейший развал по всем заведованиям, командир броненосца капитан первого ранга Фитингоф сразу же заверил его, что все работы идут даже с некоторым опережением графика и что совсем скоро его «Наварин» непременно будет готов к плаванию и бою.

На бронепалубных крейсерах дел предстояло тоже немало. Был запланирован большой объем работ с машинами и котлами, нуждавшимися в щелочении, чистке, переборке и отладке после всех переходов последнего времени. Поврежденные лопасти левого винта «Светланы» водолазы уже сняли и отправили на завод. Но без дока ей было никак не обойтись. А рабочих рук для всего этого не хватало. Хорошо хоть с артиллерией на них серьезных проблем пока не обнаружили, да и отсутствовали боевые повреждения. Серьезно пострадавший «Донской», имевший еще и неполадки в машине, вообще пока стоял в стороне. Все работы на нем велись только силами экипажа и явно затягивались.

Эсминцы отряда Андриезовского в мастерских бухты Уллис провели корпусной ремонт. Туда специально для этого перетащили плавучие доки. Едва на «Грозном», «Громком» и «Бодром» успели прочеканить швы, поменять ослабшие и срезавшиеся во время не простого плавания в Тихом океане заклепки, их еще с разобранными машинами на буксире утащили в бухту Новик к плавмастерской «Ксения» для очередной модернизации. Там для уменьшения забрызгиваемости и улучшения обзора в очередной раз переделали мостики. Запасной кормо-

⁸ См. комментарий 2 в конце книги.

вой рулевой пост также приподняли над палубой, для улучшения условий видимости и устранения заливаемости.

А освободившиеся места у стенки мастерских заняли три номерных миноносца, сохранивших боеспособность после штурма Сасебо. На них, помимо устранения боевых повреждений, необходимо было переделать кирпичную кладку в топках котлов, провести щелочение и перебрать водяные и паровые магистрали. Параллельно перебрать и отладить машины, уже изрядно расшатанные интенсивной службой, а также отремонтировать корпуса, с основательной ревизией всех заклепочных швов обшивки и набора.

Считавшиеся боеспособными «Орел» и «Бородино» чинили главные и вспомогательные механизмы, паровые магистрали и прочее оборудование кочегарок, сохраняя готовность к выходу в море на половине котлов и одной машине. Пока на заводе для них вырубали и гнули подлежащие замене листы наружной обшивки и элементы набора, на самих кораблях эти места ломали и зубилами освобождались от временно закрывавшего их бетона. Хорошего, крепкого бетона!!!

Помимо ремонта броненосцев на заводе заканчивали оснащение двух вспомогательных крейсеров, в которые переоборудовали трофейные пароходы «Шропшир» и «Виндекс», захваченные в Симоносекском проливе. Им присвоили имена погибших при штурме Цусимы «Риона» и «Кубани». Крейсера вооружили четырьмя шестидюймовками и шестью трехдюймовками, придав по паре минных аппаратов, из числа доставленных для так и не состоявшейся сборки миноносцев. Это было очень вовремя. Японские коммуникации в Тихом океане явно нуждались в нашей постоянной опеке.

Общим итогом адмиральской инспекции стал вывод о том, что в ближайшее время будут готовы к плаванию только три эсминца отряда капитана второго ранга Андржиевского и, может быть, корабли отряда Небогатова, недовооруженный «Александр» и малые миноносцы. На всех остальных работы продлятся еще минимум две-три недели. Следовательно, продолжить полномасштабные активные действия на море будет возможно не ранее начала сентября. Но даже тогда сохранятся серьезные ограничения, ввиду явной поспешности и избирательности проводимых сейчас работ.

К этому времени, согласно аналитическим выкладкам штабов, ожидалось уже существенное восстановление противником транспортных возможностей на всем западном побережье Японских островов, а также линий снабжения армий, воюющих на материке, проходящих через Цусимские проливы и южнее них.

Весьма озабоченный таким положением дел, Бирилев немедленно созвал совещание по морским делам. К этому времени уже были готовы предварительные оперативные планы штабов, как его, так и Рожественского. Подготовленные совершенно независимо друг от друга, оба они сходились в одном: возможность давить на Японию сейчас была только на коммуникациях. И по-прежнему точкой наивысшего напряжения являлась Цусима.

Связь с ней до сих пор оставалась крайне ненадежной, можно сказать, эпизодической. Оттуда поступали доклады о начавшихся систематических бомбардировках с моря береговых укреплений и аэростанций. Несмотря на вынужденный приказ командования островного гарнизона экономить боеприпасы и в перестрелки с противником не ввязываться, батареи, «Мономах» и стоявшие за мысом Эбошизаки «Аврора» с «Жемчугом», порой открывали огонь по особенно обнаглевшим японским миноносцам и прочим малым судам, пытавшимся проникнуть в Цусима-зунд.

Причем теперь подобные вылазки почти всегда прикрывали «Фусо» или несколько вспомогательных крейсеров и канонерок. Предпринимались попытки приблизиться вплотную к подходящим для высадок местам и на других участках побережья. Противник явно прощупывал оборону островов, ища в ней бреши. Оставлять это без внимания было никак нельзя.

Требовалось срочно изыскать надежный способ регулярного получения достаточно оперативной информации из Озаки. Рассчитывать на повторение «трюка» с депешами через Берлин, но уже с сокращенным в десятки раз плечом передачи, не приходилось. Японцы наверняка примут меры по недопущению подобного в дальнейшем.

Предложенная кем-то голубиная почта вряд ли решила бы проблему. Далековато. Да и лететь почтовику все время над морем. А проложить телеграфную линию до окончания боевых действий в Японском море совершенно не представлялось возможным. Ничего другого, достаточно дельного, пока придумать не удавалось.

На данный момент отсутствие проводной связи и ненадежность радио оставляли всего один весьма рискованный вариант, но выбирать не приходилось. Только посылать кого-то с каждой срочной новостью, в надежде, что тот сможет преодолеть незамеченными японские дозорные линии. А лучше сразу нескольких. Чтобы было больше шансов, поскольку никого, способного прорваться с боем во Владивосток или Шанхай, на Цусиме уже не оставалось.

Необходимость срочной доставки снабжения этому передовому гарнизону становилась совершенно очевидной. Того, что привезли удачно проскочившие шхуны, на долго не хватит. Японская агентура, судя по всему, об этом узнала и предприняла кое-какие действия, оказавшиеся весьма успешными. В результате планировавшаяся отправка «Терека» так и не состоялась, а заменить его оказалось нечем. Оставалось всемерно форсировать работы и ждать результатов.

У «Терека», при выходе на пробу машин после их регулировки и переборки паровой арматуры, неожиданно появился сильный стук в цилиндрах высокого и среднего давления левой машины. Когда ее разобрали, обнаружили целую горсть гаек, шайб и прочего железного мусора, неизвестно как туда попавшего. Сама машина теперь требовала серьезного ремонта.

Это очень смахивало на диверсию. Все, кто участвовал в работах, были задержаны и с ними разбирались жандармы. Но выяснить ничего так и не удалось. Вообще в последнее время в крепости все чаще начали появляться неблагонадежные элементы. Причем, если раньше это были «ряженные» под китайцев японцы или натуральные китайцы, но на японской службе, то теперь, с наплывом добровольцев из всех слоев общества, такие мелкие пакостники оказывались либо особо «продвинутыми» студентами, желавшими «сделать для блага своей страны» куда больше, чем просто отправить поздравительную телеграмму микадо, либо работягами, «жаждущими крови эксплуататоров».

Совместными усилиями военных и жандармского корпуса до сих пор удавалось избежать крупных революционных выступлений, но мелкие диверсии набирали размах. Хотя их исполнителей регулярно арестовывали, причем, чаще всего до окончания реализации задуманного, того, кто всем этим управляет, до сих пор не знали, и достать его не получалось.

В остальном ситуация на контролируемых из Владивостока просторах Японского и Охотского морей складывалась вполне благоприятно для нас. Даже наметился выход и из «пушечного тупика». Доклад артиллерийского комитета штаба по вариантам его решения был заслушан сразу после обсуждения вопроса с Цусимой.

Если кратко, то десятидюймовки на «Адмирале Ушакове» предлагалось поставить с «Осляби» Они были уже отремонтированы в мастерских базы. Три пушки находились в хорошем состоянии и опасений не вызывали, а вот четвертая, из носовой башни, сбита со станка в Цусимском бою японским снарядом, могла стрелять только ослабленными зарядами из-за угрозы разрыва ствола и, соответственно, не выдавала «паспортной» дальности.

Некоторые осложнения вызывало то, что под эти пушки требовались переделки в башнях, поскольку они были на тонну с четвертью тяжелее. Соответствующий проект уже утвердили и начали воплощать в железе. Работы со станками ведутся, параллельно с ремонтом гид-

равлики в башнях и подбашенных отделениях и совершенствованием систем зарядки орудий главного калибра.

Имевший повреждения подводной части в носу и полностью изношенный главный калибр «Адмирала Сенявина» вынужденно вставал на прикол и разуконплектовывался. В короткие сроки исправить подводные повреждения его корпуса возможности не имелось, да к тому же вооружить его оказалось нечем. Больше во Владивостоке десятидюмовки взять было неоткуда.

В то время как использование части вспомогательных и некоторых деталей главных механизмов с него, а также электрических машин и пушек среднего и противоминного калибра для скорейшего восстановления боеспособности «Ушакова» и «Апраксина», позволяли сократить сроки стоянки у заводской стенки остававшейся пары минимум на две недели. Параллельно планировалось вести работы и по усовершенствованию системы управления огнем обоих восстанавливавшихся малых броненосцев, а на «Апраксине» переделать электропроводку в башнях по образцу «Александра III».

С такими перспективами предстоящий основательный ремонт большинства боевых единиц не особенно портил складывающуюся общую картину, учитывая, что противнику тоже чиниться надо. Грело душу и то, что передовые пункты базирования значительных сил японского флота, могущих представлять реальную угрозу для наших морских перевозок, значительно отодвинулись к югу. Теперь основные коммуникации между Владивостоком и Гензаном, а также между Владивостоком, Сахалином и далее на север и на восток оказались в нашем достаточно глубоком и сравнительно безопасном тылу.

Кроме того, имевшийся в начале кампании дефицит грузового тоннажа остался в прошлом, благодаря постоянно поступающим трофеям. Теперь транспортов хватало для обеспечения всем необходимым быстро расширявшихся и увеличивавшихся числом гарнизонов вдоль всего побережья Японского моря и северо-восточной Кореи. Это также позволило развернуть полноценное снабжение морем наших войск в северо-восточной Корее, весьма затруднительное по сухому пути из-за отсутствия железнодорожного сообщения и сильной зависимости проходимости местных дорог от погодных условий. К тому же доставка снабжения морем была гораздо быстрее и дешевле. Организованные перевалочные тыловые базы в Кенгшене, Хамьенге и Порту Шестакова распределяли снабжение дальше, вплоть до самых дальних застав, куда чаще всего мог добраться только вьючный обоз.

Владение морем создавало нормальные условия и для организации регулярных конвоев с Сахалина. А это уже, в свою очередь, снимало проблему обеспечения крепости и города дешевым строевым лесом, а также топливом всей этой оравы углеводов, свалившейся на голову портового начальства, едва не свихнувшегося от счастья в первое время, но, тем не менее, быстро оправившегося и начавшего требовать трофеев еще и еще.

Поскольку уголь с сахалинских копей уступал кардифу, его использовали в основном транспорты и стоявшие в ремонте или в базе корабли. Для активных действий флота боевого угля было пока достаточно, учитывая поступления с Сучанского месторождения и более-менее регулярно приходившие через Курильские острова и пролив Лаперуза угольщики.

А с недавнего времени этим маршрутом начались полноценные поставки и оборудования для дооснащения и расширения ремонтных мастерских базы. Буквально накануне прихода эскадры в порту Владивостока встал под разгрузку германский пароход «Эльзас», доставивший все необходимое для ввода в строй новой кузнечной и литейной мастерских, подъемные краны, прессы и станки. На этом же судне прибыла большая группа немецких специалистов, занятая сейчас монтажом этих машин и обучением местного персонала. До этого «Белый Орел» совершил подобный рейс в САСШ, и сейчас все привезенное им оборудование уже ввели в строй.

Для обеспечения большей безопасности курильского маршрута была разработана десантная операция по захвату островов Курильской гряды Кунашир и Итуруп, примыкавших к япон-

скому острову Хоккайдо. Это должно было облегчить прохождение судов, прорывающих японскую блокаду через проливы Екатерины и Фриза, и выход наших рейдеров в Тихий океан. К тому же угроза потери столь крупных, пусть и почти не заселенных территорий с их богатыми рыбными и прочими морскими промыслами, могла отвлечь противника на северо-восточное направление и снизить давление на Цусиму.

В дальнейшем, если хватит сил, планировалось взять под наш контроль также остров Шикотан и гряду островов Хабомаи, чтобы максимально обезопасить и пролив Измены. Необходимые для первой стадии операции войска уже были выделены из гарнизона крепости и переброшены в порт Корсаков, где проходили усиленную подготовку.

Одновременно собиралась вся информация о японских поселениях и гарнизонах на Курилах. Сахалинские рыбаки айны, уже давно торговавшие рыбой с японскими купцами с Хоккайдо и даже с Хонсю, знали об этом неожиданно много. Просто их раньше никто не спрашивал.

Общим итогом совещания стало единогласное решение о временном переходе к глухой обороне на море, ввиду острого недостатка боеспособных сил, но с продолжением рейдов вспомогательных крейсеров восточнее и южнее Японских островов. Район Цусимского пролива признавался временно недоступным, но прорыв быстроходных судов на саму Цусиму все же возможным. Однако от штабов по-прежнему требовалось прорабатывать возможные варианты продолжения кампании все в той же агрессивной манере, что и прежде.

Для разведки Курил и наведения порядка на рыбных и котиковых промыслах далекой восточной окраины страны, где за последний годы совершенно распоясались браконьеры, по настоятельным рекомендациям из самого Санкт-Петербурга предполагалось отправить вдоль архипелага крупную экспедицию. Ее конечной целью должны были стать берега Камчатки и Командорские острова.

Инициатором отправки с самого момента прорыва эскадры во Владивосток выступало «Камчатское торгово-промышленное общество». Его титулованные акционеры (в том числе и из Императорского дома) весьма активно и настойчиво продавливали эту идею в самых высших сферах. Причем не столько через «беззубый», особенно во время войны, Департамент рыболовства, в чьем ведении находились подобные вопросы, сколько через Отдельный корпус пограничной стражи и, даже, адмиралтейство. При этом кроме откровенного давления ничего конкретного, хотя бы в плане разрешения давно назревших юридических проблем, в этой отрасли не предпринималось.

Но флот ни в конце мая, ни, тем более, теперь не располагал свободными силами для ее проведения. Одних только финансовых поступлений, собранных по подписке, и выделения специальным указом из состава Заамурского округа пограничной стражи трех рот для охраны котиковых лежбищ и промыслов ценных пород рыб было явно недостаточно. Используя до начала войны шхуны и боты Отдельного отряда вооруженных судов Приморского управления охраны рыбных и зверобойных промыслов явно не могли справиться с такой масштабной задачей в разумные сроки. Тем не менее выход нашлся.

В газетах было напечатано, что с самого начала войны все лицензии на промысел для иностранцев и российских подданных, нанимающих иностранные суда, аннулированы. Следовательно, вне зависимости от бумаг, кто не русский – тот браконьер. А поскольку браконьерские шхуны под любыми флагами активно ведут разведку в интересах противника, по законам военного времени, согласно новому указу генерал-губернатора и наместника, подлежат уничтожению или аресту на месте задержания у Командор, Камчатки, всей гряды Курильских островов, во всей акватории Охотского моря и в северной части Японского. Пограничная стража объявила набор добровольцев из числа судовладельцев-промысловиков для наведения порядка. Все конфискованное у браконьеров будет делиться поровну между казной и владельцами судов, изъявивших желание участвовать.

Как и ожидалось, уже через пару дней от желающих встать на охрану наших морских богатств не было отбоя. Появилась возможность выбирать самые крепкие и ходкие суда с опытными экипажами. И уже к середине августа в поход отправилось более полутора десятков шхун, предоставленных местными промысловиками и укомплектованных дополнительно моряками, казаками и охотниками из пограничной стражи.

На каждой из них установили по две-три списанные с миноносцев и старых кораблей многоствольные 37- и 47-миллиметровые пушки или митральезы, пылившиеся во флотских арсеналах, так что, уступая в размерах, по огневой мощи они гарантированно превосходили потенциального противника. Миндальничать никто не собирался. Война, знаете ли!

Результаты появились уже к концу месяца, когда в Корсаков, Николаевск-на-Амуре, а потом и во Владивосток потек ручеек конфискованных шхун и даже небольших пароходов. Причем английских, канадских и американских судов среди них было гораздо больше, чем японских. Их экипажи иногда даже могли предстать перед судом для отправки на каторгу, но чаще все решалось на месте в яростных перестрелках. Хорошо осознавая стоявшую перед ними перспективу (от пяти лет каторги и выше), легко сдаваться никто не хотел.

Однако «винчестеры» и «Лиэнфилды» против русских пятистволок, как правило, оказывались неубедительными. Поэтому редкие уцелевшие представители цивилизованных стран, в конце концов, начинали переговоры. Правда, как выразился один из казаков, «уже с мокрыми штанами».

Самый жирный разовый «улов» пришел в Корсаков от острова Матуа. Своими же американскими экипажами (которым обещали амнистию за ценную информацию и содействие) под командой наших казаков было приведено сразу пять паровых шхун. Еще две из той же флотилии пришлось разбить из пушек в проливчике, разделяющем Матуа с островком Топорковый в юго-западной части острова для принуждения к капитуляции крупной браконьерской фактории.

Добытые суда очень заинтересовали военных, поскольку из-за некоторых специфических условий браконьерского промысла, особенно проявившихся именно в последние годы (котиков и тюленей старались бить на путях миграции из шлюпок), шхуны оказались довольно ходкими и мореходными. Имея водоизмещение от полутора до двух сотен тонн, они оборудовались средствами для быстрого спуска и приема на борт большого числа четырех-шестивесельных гребных шлюпок. Штук по восемь на корабль! Перспектив использования таких трофеев открывалось множество.

В дальнейшем, когда экспедиции удалось добраться до камчатских берегов, поток призов только увеличился. На острове Шумшу был разгромлен японский гарнизон в поселке Катаока и взят в плен его начальник лейтенант Исокава. Его вместе с почтой с Камчатки доставили в Корсаков на одном из трофейных пароходов вместе с грузом красной рыбы, консервов из горбуши, кеты и трески, икры и шкур, сразу переправив во Владивосток.

Население острова, состоявшее из японцев, с момента поселения в тех местах промышленявшее браконьерством и мародерством в наших водах, оказалось настроено весьма враждебно, так что всех их от греха подальше пришлось вывезти для интернирования и принудительных работ на Камчатку.

В этом сильно помог встретившийся караван шхун петропавловского купца Огородникова. На Камчатке уже знали об успехах недавно прибывшей эскадры Рожественского, и предприимчивые люди резко активизировались. Объединившись в «Торгово-промышленную Петропавловскую артель», которую и возглавил Огородников, они снарядили восемь парусных судов, вооружили их, чем нашли, и отправили в Николаевск-на-Амуре с различными сезонными грузами, рассчитывая там продать все это выгоднее, чем заезжим купцам.

Но кроме торгового интереса имелся еще и расчет: получить самую свежую и достоверную информацию о ходе войны, воспользовавшись чем, можно будет и торгаться более

удачно, чем теперь. Поскольку из-за отсутствия телеграфа все новости в Петропавловске узнавали от приходивших преимущественно из Сан-Франциско пароходов с большим запозданием и в сильно искаженном виде, ориентироваться с рынками сбыта и ассортиментом предлагаемых товаров было трудно.

Кроме того, они передали жалобу на начальника Командорских островов статского советника Гребницкого. В ней сообщалось об активном препятствовании с его стороны промыслу зверя и потворствовании английским и американским интересам на Командорах и в прилегающих водах. Многие промысловики были недовольны его действиями, о чем и составили соответствующую петицию.

В ходе разбирательства, учиненного по этой скандальной бумаге, выяснилась изрядная сомнительность поданной жалобы. Сам Гребницкий, к этому времени уже почти три десятка лет бессменно занимавший пост управляющего Командорскими островами, зарекомендовал себя как дальновидный хозяйственник, организовавший строго регламентированный промысел пушного зверя с однозначными правилами охоты для всех, как иностранцев, так и русских подданных.

Кроме своих непосредственных обязанностей он вел метеонаблюдения и научную работу. Там же успел обзавестись семьей, женившись во второй раз, завести семерых детей, кроме которых в семье росла и воспитывалась девочка – сирота из айнов. Но вопреки жалобе состояния не сколотил и не имел средств даже для приобретения жилья в столице .

Чтобы обеспечить детям достойное образование, его семейство проживало в Коломне с 1898 года, а до того несколько лет в специально купленном своем небольшом имении (даче) в Новгородской губернии, лишь снимая ненадолго жилье в Петербурге.

А «притеснения промыслу» выражались введенными им регулярными запусками (полным запретом на охоту для восстановления поголовья зверя). При этом, по причине отсутствия под рукой русских кораблей, для контроля за исполнением этих правил и численностью популяции котиков на подведомственных территориях, он пользовался услугами английского охранного судна «Алджерейен» и предоставляемых торговым домом «Гутчинсон Кооль и К^о» и другими фирмами или частными лицами американских пароходов, один из которых («Минелоп») потерпел крушение в устье реки Тигиль в конце лета 1905 года. Использование английских и американских судов и послужило поводом для слухов о потворстве иностранцам⁹.

Столь неожиданная встреча на самом краю русских земель едва не закончилась перестрелкой, но все быстро прояснилось. После того как к обоюдному удовольствию бумаги передали пограничному капитану, а груз икры, рыбы, шкур, а также почти годовой продукции рыбоконсервного завода «Камчатского торгово-промышленного общества» был закуплен на месте, японцев посадили на суда, отправившиеся назад в Петропавловск.

Хотя там и без того уже негде было содержать арестованных браконьеров, последний указ генерал-губернатора, заверенный наместником императора, делал возможным в военное время производство суда над всеми браконьерами, теперь еще и подозреваемыми в шпионстве, непосредственно по месту задержания и немедленную отправку на каторжные работы для искупления вины.

Получив копию такой серьезной бумаги, камчатские заметно оживились. Это здорово упрощало дело. А дополнительные рабочие руки в тех пустынных местах просто не могли не пригодиться. Особенно в свете предписанного тем же самым указом наместника немедленного начала работ по расширению складских помещений порта и подготовке к строительству мастерских и слипа, а также береговых укреплений современного типа с позициями под

⁹ См. комментарий 3 в конце книги.

батареи. Причем последних не только в самом Петропавловске, но также и других ключевых пунктах побережья полуострова (на западном берегу в Большерецке и Тигиле, а на восточном, помимо Авачинской губы, еще и в Усть-Камчатке). Артиллерию, которую обещали доставить еще до начала зимы, предписывалось установить и испытать до установления морозной погоды. Кроме Камчатки предстояло укрепить в срочном порядке все прочие посты Берингова и Охотского морей.

Покончив с этим щекотливым вопросом, на Шум-шу оставили гарнизон с береговой батареей из двух пушек, установленных на колесных лафетах, и двинулись вдоль западного камчатского берега. Впоследствии этот гарнизон захватил и отправил в Корсаков еще несколько шхун и пароходы «Ройе-мару» в 340 тонн, «Хокаи-мару» в 705 тонн и «Сейрю-мару» в 328 тонн, используемые японцами на вывозе рыбы.

Уже к середине осени вдоль всей Курильской гряды начали курсировать не только русские промысловые суда, но и эти товаро-пассажирские пароходы, «перекрещенные» русскими именами. До конца сентября они доставили в Петропавловск полевую артиллерию с боеприпасами (старые горные пушки Барановского) и войска для усиления гарнизонов, а также более полусотни орудий для вооружения береговых батарей.

А экспедиция всего за месяц конфисковала 34 судна, потопила 17. Арестовали, выселили и после суда отправили на принудительные работы более 4000 человек, занимавшихся незаконным промыслом и его переработкой на нашем берегу. Кроме конфискованного вместе с судами, на складах факторий обнаружили и изъяли: шкур котиков, голубых песцов и командорских бобров на 693 тысячи рублей, 785 пудов икры, 17 754 пуда готовой к вывозу соленой рыбы и более 30 000 пудов рыбных туков. Припрятанные иностранцами зачатки находили до самой зимы. Вконец обнаглевших японских и прочих браконьеров явно застали врасплох. Такого успеха никто не ожидал.

А в самом Владивостоке тем временем продолжало увеличиваться число квалифицированных рабочих рук и технические возможности порта. В частности, была запущена вторая электростанция, ускоренными темпами шел монтаж нового кузнечного и литейного оборудования в еще только строящихся новых заводских корпусах и окончательно введен в действие второй сухой док, куда встал «Сисой». Объемы капитальных вложений, освоенных за одно это лето, уже приближались к суммам, затраченным на портовую инфраструктуру за все предыдущие годы.

Не имея возможности полностью придушить японскую агентуру, не оставляли попыток ее обмана. В частности, именно из этих соображений эсминцы Андржиевского после неожиданного быстрого, для многих, завершения корпусного ремонта в весьма разившихся миноносных мастерских бухты Уллис сразу убрали с глаз долой, объявив выговор начальнику отряда за неудовлетворительное техническое состояние вверенных ему кораблей. В городе всю судачили, что по итогам ревизии восстановлению они не подлежат по причине износа. При этом документы всех членов команд этих миноносцев провели по штабным канцеляриям как убывающих для дальнейшего прохождения службы (по слухам на третью эскадру для доукомплектования). После чего, снабдив ими группу отправлявшихся на долечивание или комиссованных по болезни или ранению матросов, с оркестром и всеми почестями отправили с вокзала.

А в мастерских бухты Уллис, параллельно с начатым сразу ремонтом номерных миноносцев, приступили к работам на второй тройке эсминцев. Их также поставили в плавучие доки, но из-за нехватки времени и рабочих рук с ними «темнить» не стали, сразу наняв китайцев для очистки подводной части и прочих грязных работ. Большая часть материалов для них была заготовлена заранее или приспособлена из остатков привезенного с завода Крейтона. Это провели по бумагам как запчасти, снятые со списанной и якобы уже частично разобранной первой тройки. Все остальное нашлось в крепости.

Поскольку корабли первого минного отряда имели заметно меньший «штормовой пробег», их общее техническое состояние оказалось лучшим, так что, по прогнозам специалистов, работы с ними много времени не потребуют. В штабах ожидалось, что они войдут в строй одновременно со вторым отрядом, что было бы весьма кстати. Оставалось проследить, чтобы они нигде не появлялись одновременно обоими отрядами. В этом случае начавшееся мелькание на горизонте характерных четырехтрубных силуэтов вражескую агентуру не должно было встревожить.

С началом массового ремонта сметы постоянно росли. Объем предстоящих работ просто «зашкаливал». По выражению флагманского механика Политовского, для полного восстановления некоторых самых активных участников всех боев потребуется их чуть ли не полная разборка. Но ни времени, ни возможности для этого, естественно, не было, так что снова предстояло ограничиться максимально реализуемым в приемлемые сроки повышением резко снизившихся боеспособности и ходовых качеств.

Попутно на «Светлане» и «Богатыре» планировали заменить радиостанции на привезенные немцами. Эту часть работ новые союзники целиком брали на себя. Еще один свежий комплект радиооборудования большого радиуса действия уже монтировали на «Николае I».

Вопрос об отдыхе экипажей все же решился положительно. Несмотря на явную зажатость по срокам, в этом остро нуждались все: от нижних чинов до командиров кораблей и отрядов. Немедленно предоставлялось по двое суток выходных посменно с последующим вахтовым отдыхом не менее недели с сохранением ограничения рабочего и учебного времени.

Глава 3

Две недели до возвращения поезда Рождественского из Маньчжурии все в крепости шло более-менее спокойно. Но только до его возвращения. Хотя он умышленно не уведомлял никого о дате приезда, когда литерный поезд еще только подъезжал к Никольк-Уссурийску, об этом уже были предупреждены значимые чины в крепости и городе. Так что встречу, хоть и без особой помпы, все же подготовили.

Естественно, об этом узнали и репортеры, заблаговременно начавшие подтягиваться к вокзалу. Как оказалось, не напрасно. Когда вместе с Рождественским из вагона вышли сначала генерал-губернатор Приамурья Хрещатицкий, потом генерал Штакельберг, за ним генерал-майор Бернов, командовавший войсками в Корее, и все обещали дать по короткому интервью, они уже оказались достойно вознаграждены за свое долгое ожидание.

А уж когда на перрон вышел великий князь Михаил, еще недавно наследник престола, а теперь регент при цесаревиче Алексее, явно запахло сенсацией. Слухи о его отъезде из столицы в действующую армию успели докатиться и до этих мест, но появления такой фигуры здесь, да еще и так скоро, никто не ожидал.

Но добраться до столь высокой персоны никому из пишущей братии так и не удалось. Прикрывшись заслоном из генералов, наместник с великим князем и небольшим эскортом из казаков его личной охраны укатили сразу в порт. Пришлось журналистам пока довольствоваться несколькими кадрами, удачно сделанными на перроне, да ждать.

Когда поезд еще только подъезжал к вокзалу Владивостока, Михаил Александрович предложил Рождественскому назначить дату проведения официальной встречи с представителями прессы на следующий день после большого общего совещания, а сейчас, для экономии времени, сбежать от встречающих и сразу отправиться в штаб. Но наместник рекомендовал сначала осмотреть корабли эскадры. Так и решили. Быстро согласовав дальнейшие действия с генералами и охраной, оба «самых главных» успешно избежали внимания назойливых и пронырливых журналистов. К этому времени они довольно тесно сошлись за долгую дорогу из Харбина и легко общались между собой.

Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что из соображений строжайшей секретности, личным распоряжением Николая II только наместнику Михаил имел право сообщить некоторые факты, обнажившиеся к лету 1905 года, наглядно показывавшие степень неготовности Российской империи к этой войне¹⁰.

Давая такое распоряжение, император рассчитывал на то, что, имея опыт ведения активных действий при откровенно скудном обеспечении Владивостока и тотальной нехватки всего и везде, Рождественский сможет подсказать выход из наметившегося тупика, в который все глубже вползало Военное министерство, а следом за ним и вся страна.

Несмотря на то, что в Японии большинство населения умело читать и писать, в том числе и крестьяне в дальних деревнях, ее считали обезьяньим государством, и в случае обострения отношений предполагалось быстро добиться победы малой кровью и на чужой территории. Ошибочность этих суждений обозначилась уже в первые месяцы войны.

¹⁰ На начало 1904 года имелось по 400 патронов на винтовку (хотя по норме следовало иметь 840). Промышленность могла выпустить еще по 150 штук на винтовку в год. За 1905 год было произведено патронов: в Петербурге 200 миллионов штук, в Луганске 140 миллионов штук, в Туле 125 миллионов штук и еще 500 миллионов куплено в Америке. Помимо всех видов боеприпасов, которые тратили гораздо быстрее, чем успевали изготавливать, даже собственно пороха в России производили вдвое меньше, чем требовалось на военные нужды. По этой причине до самого окончания войны постоянно изымалось вооружение и боевые запасы из европейских округов, восполнить которые удалось только к 1907 году! Про пушки всех калибров и острейшую нехватку переводчиков здесь упоминается.

За время совместной поездки из Харбина во Владивосток, в ходе состоявшегося частного разговора, растянувшегося, под перестук вагонных колес, далеко не на одну ночь, Михаил поведал о неожиданной резкой непопулярности этой войны с самого начала. Как оказалось, с момента ее объявления это встретили с одобрением не более 20 процентов общества. Причем не только среди крестьян и рабочих, но и дворянства и буржуазии. Причем среди крестьян проявлялись даже самые недостойные формы протеста, выразившиеся в отказе в помощи семьям солдат. А дальневосточные промышленники, чьи интересы она затрагивала в первую очередь, не ждали от нее ничего, кроме потери денег и имущества. Все новости с театра военных действий воспринимались со злорадным сарказмом. Это еще более подкреплялось не слишком успешными и, как правило, запаздывавшими, а порой и неадекватными действиями властей.

Такое положение сохранялось вплоть до самой Цусимы. Однако с середины мая все изменилось. Словно глаза открылись. Люди увидели, как может и должно быть. За этим первым толчком последовали другие, не менее неожиданные, уже в самой столице, наделавшие немало шума. Вполне сопоставимые со «Снарядным скандалом», разразившимся после получения императором рапорта о проведенных во Владивостоке испытаниях современных типов боеприпасов для морских пушек, применявшихся с самого начала войны. Этот рапорт стал одной из главных причин отставки великого князя Алексея Александровича со своего поста.

При этом вскрылись просто огромнейшие недостатки казенных денег. По словам Михаила, император был просто взбешен и категорически отменил все увещевания своих многочисленных августейших родственников, настоятельно рекомендовавших не афишировать «небольшие семейные неурядицы».

В ответ некоторым из них самим было рекомендовано воздержаться от попыток участия в государственных делах, чтобы в перспективе избежать новых «семейных неурядиц», а «многоуважаемый», «драгоценный» дядя отправился на отдых и поправку здоровья, расшитанного непосильной ношей службы, в Ниццу, в Париж или еще куда за границу, на его усмотрение.

Эта отставка вызвала целую цепь рокировок в высших флотских и армейских эшелонах власти. Как только над флотом встал великий князь Александр, глава ГУКиС Верховский, имеющий патологическую склонность экономить на мелочах, неожиданно для себя отправился на пенсию, так же как и главный интендант Ростковский. Основательно перетрясли весь Государственный совет, но его председатель, великий князь Михаил Николаевич, возглавлявший также и Главное артиллерийское управление, сохранил свой пост. Еще многие значимые фигуры оказались задвинуты, а кое-кто, наоборот, из неизвестности взлетел неожиданно высоко.

Но то в столицах. А здесь, на месте?! Михаил, касаясь этой темы, каждый раз заметно нервничал, говорил резко, постоянно курил. Знали ведь, что воевать придется, а понимать, о чем говорят пленные или что в захваченных бумагах написано, не имели возможности ни к началу войны, ни сейчас. Стыдно сказать, на всю армию, даже после всех принятых экстренных мер, к концу лета 1905 года всего одиннадцать переводчиков. Да и из тех лишь двое могут разбирать рукописные японские тексты и полевые донесения!

А из этого вытекает необходимость нанимать китайцев для работы в строевых частях. Да и китайцев ли? У половины, наверное, косы не настоящие. У японцев уже лет семь в Пекине открыто работает Высшая военная школа. А потом удивляемся, как это они так много о нас всего знают.

Да и кроме азиатов желающих шпионить хватает. В Екатеринославе задержали двоих австрияков. Те подкупили писарей воинского начальника и получали всю их переписку. Их и отловили-то чисто случайно. А как допросили, так за голову схватились. В ином месте и свой дурак хуже японского шпиона оказывается.

Много о чем говорил в запале. Насмотрелся за дальнюю дорогу. Накипело! Но, как потом вспоминал великий князь, «эти новости, что с самого верха, о которых и в столице знали очень немногие, что «бытовые», уже едва ли не с самого низа, не вызвали у Рождественского ожидаемой реакции, словно он их все уже знал».

С вокзала отправились напрямик на завод, откуда поданным катером добрались до бухты Уллис, а потом через артиллерийский полигон в бухту Новик. В штаб попали только поздно вечером, так что никаких совещаний в этот день собирать не стали, ограничившись знакомством со структурой и принципами его работы. А на следующий день, то есть на 28 августа, было назначено первое заседание Дальневосточного Военного совета.

* * *

Появление во Владивостоке сразу стольких высоких начальников объяснялось тем, что противоречивые доклады о состоянии дел, поступавшие из Маньчжурии и Владивостока, вызывали все большее беспокойство у императора, наконец начавшего проявлять должный интерес к делам армии и флота. Все, кто хорошо знал его, отмечали, что после цусимской победы он словно преобразился, встряхнулся. Многие считали, что этому способствовала приватная беседа с отцом Иоанном Кронштадтским, состоявшая сразу после торжественного молебна в честь успеха русского оружия и продлившаяся до глубокой ночи.

От прежнего податливого царя, хорошего семьянина, но слабого правителя, не осталось и следа. Он теперь не избегал ссор со своим многочисленным семейством, когда это касалось государственных интересов, а упорно отстаивал принятое решение и, что немало важно, стал требовать их исполнения, не считаясь ни с чем и ни с кем.

Довольно скоро это привело к отъезду его матушки на историческую родину, ввиду ее категорического несогласия с курсом на сближение с Германией. Это резко ослабило позиции некоторых из великих князей. В высших сферах продолжились перестановки фигур. Кроме того, все правительство начало работать как во время войны, а не только Военное министерство, как было до этого.

Сенсацией, сопоставимой с отставкой шефа флота, стало начатое в конце мая тщательное расследование событий 9 января этого года на Дворцовой площади. Причем расследование публичное, о ходе которого постоянно печатались отчеты на страницах газеты «Русское слово». Более того, ее владелец Иван Дмитриевич Сытин, составивший свой начальный капитал на лубочной продукции, параллельно развернул выпуск еще и наглядных красочных плакатов на эту и другие политические темы, обеспечивая правильное донесение монаршей воли, касавшее последних нововведений, до самых глубоких слоев населения.

Моментально развернувшаяся в «передовой прессе» критика его самого, как прижимистого и скупого эксплуататора, не желающего платить своим рабочим-наборщикам даже за запятые, быстро захлебнулась, поскольку этот его указ оказался к тому времени отменен. Даже более того, все его наемные рабочие перешли на круглосуточную работу в три восьмичасовые смены с гарантированным одним выходным днем в неделю, оплатой больничных листов и приличным заработком по прогрессивной тарифной сетке, с двойными сверхурочными.

В процентном отношении такая зарплатная политика несколько снижала прямой доход издателя, но в абсолютных цифрах совершенно наоборот. Это было одним из неперемных условий договора, заключенного напрямую с Канцелярией его императорского величества и полицейским департаментом и дающего монопольное право на освещение хода этого расследования и многих других. Итогом стал скачкообразный рост тиражей всей периодики и ее раскупаемости. Даже круглосуточная работа не полностью обеспечивала резко возросшие потреб-

ности, что в сочетании с госдотациями на развитие средств народного просвещения увеличило прибыли в разы.

Через ту же газету получили огласку подтвержденные факты встречи господина Акаси, как выяснилось, полковника японского генерального штаба, с Плехановым, Лениным, Деказовым и Лорис-Мельниковым и попыток поставки восьми тысяч винтовок финским националистам, пяти тысяч на Кавказ и еще около девяти тысяч прочим социалистическим партиям для ведения террористической и подрывной деятельности. Все оружие и патроны оплатила Япония.

Главной причиной столь пристального внимания собратьев по цеху к персоне Сытина стали, конечно, вопросы конкуренции. Тиражи его газеты росли как на дрожжах, а прочая полиграфическая продукция нового типа моментально расходилась в бездонной крестьянской массе, пользуясь чрезвычайным спросом. Он снова угадал потребность рынка, будучи к этому готов.

Грызня печатников позволила отвлечь часть внимания от дальнейших действий императора, которым многие теперь также стремились придать скандальный окрас. Страницы некоторых газет буквально вопили. Как же так?! Чтобы прибить маленькую Японию, огромной России приходится перекраивать бюджет под военные нужды! Началось это после того, как Военное и Морское ведомства получили дополнительные чрезвычайные ассигнования за счет некоторых мирных статей бюджета. А во всей стране было введено военное положение, что позволило решать некоторые щекотливые вопросы гораздо жестче, а потому быстрее и эффективнее.

Порядок в области финансов начали наводить и непосредственно на театре военных действий и в сферах, напрямую к нему причастных. По предложению Столыпина на Дальний Восток отправили сразу несколько ревизионных комиссий с самыми широкими полномочиями. Причем большей частью тихо, без лишнего шума. А также значительные силы от отдельного жандармского корпуса для проведения оперативных следственных действий на местах.

Предшествовавшая этому широкая огласка факта подготовки к отправке с проверкой представителей Канцелярии его императорского величества вызвала громкий резонанс и укрыла в «тени» остальных, быстро и тихо добравшихся до мест назначения, что позволило им работать с максимальной эффективностью.

Еще в середине июля на специальном совещании у Николая II было высказано мнение, что эта война являет собой совершенно новый вид войн, пришедших на смену всем, что были прежде. Теперь уже невозможно вести полноценные боевые действия без перестановки промышленности, да и части повседневной жизни на военные рельсы. В Японии так было с самого начала, а вот в России считали это не нужным, и страна к этому оказалась не готова, за что теперь и расплачивается. Тогда же было принято решение об отправке во Владивосток великого князя Михаила Александровича с полномочиями, позволяющими вести переговоры с японским императором Муцухито-Мейдзи от лица российского императора. В состав его свиты тоже вошло несколько опытных ревизоров и следователей, что оказалось далеко не лишним.

С ним должны были ехать и представители Министерства иностранных дел, дипломатического корпуса и прочие чины, соответствующие предстоящей процедуре. Но Михаил не стал дожидаться, когда все будут готовы, а отправился в дальний путь уже через день, согласившись взять с собой только тех, кому доверял лично. В итоге его поезд далеко обогнал основную делегацию, оставаясь в ее тени, что позволило выявить немало «интересных» фактов.

На том же совещании у императора пришли к мнению о необходимости формирования Дальневосточного Военного совета при наместнике императора, куда должны были войти генерал-губернаторы затронутых войной губерний, а также командующие основными группиров-

ками войск и флота, задействованных в боях. Этому совету предстояло обеспечить совместные согласованные действия на суше и на море, для максимально быстрого завершения войны.

В него изначально планировалось включить генерала Линевича как начальника войск в Маньчжурии, генерала от кавалерии Хрещатицкого – по должности генерал-губернатора Приамурской области, являвшегося также и командующим войсками Приамурского военного округа и ведавшего проведением мобилизации на подвластной ему обширной территории и распределением прибывающих резервов и пополнений, не уходивших в Маньчжурию. На нем же лежала ответственность за обеспечение безопасности побережья. Правда, теперь только севернее Владивостока, а также Сахалина и Камчатки. Также включили в состав совета генерал-лейтенанта Казбека – коменданта крепости Владивосток, отвечавшего за выполнение программ подготовки прибывавших пополнений и уже боеготовых частей по новым правилам. Командовавший всеми войсками в Корее, сведенными в Корейский отряд, генерал-майор Анисимов, ответственный и за состояние проводных линий связи Российского военного ведомства в северо-восточной Корее, тоже должен был участвовать в выработке стратегии скорейшего завершения войны в нашу пользу. Вошел в совет и командир Посьетского отряда генерал-майор Щупинский, на которого приказом из Петербурга теперь была возложена ответственность за противодесантные мероприятия на российском побережье южнее Владивостока. С самого начала признавалось весьма желательным участие в заседаниях и генерал-майора Бернова, назначенного командовать Курильским десантным корпусом, и вице-адмирал Бирилева – командующего Тихоокеанским флотом со всеми вытекающими обязанностями. По личной рекомендации Рожественского в состав совета был включен также и контр-адмирал Йессен, хорошо знакомый с морским театром боевых действий. Ну и, конечно, сам Рожественский.

Но за время следования представителя Царствующего дома на Дальний Восток на основании полученных сведений на САМОМ ВЕРХУ были приняты некоторые кадровые решения, которые по приезде в Харбин оставалось реализовать на месте. Их итогом стал отзыв генералов Куропаткина и Линевича в Петербург, по официальной версии, для личного доклада императору и назначение на должность командующего всеми войсками в Маньчжурии генерала Штакельберга, с автоматическим включением его в состав совета. Все это было оформлено официально уже на следующий день после встречи Рожественского с Михаилом в Харбине.

На первое заседание формируемого Дальневосточного Военного совета смогли явиться не все означенные персоны. Генерал-лейтенант Казбек, вице-адмирал Бирилев и контр-адмирал Йессен, находясь во Владивостоке, имели возможность быть на месте в тот же день, чем и не преминули воспользоваться. Хрещатицкий, Штакельберг и Анисимов, заблаговременно извещенные по телеграфу или посыльными, прибыли поездом вместе с великим князем и наместником либо другими путями в тот же день. Щупинский, также получивший соответствующую депешу, уже находился в пути и успевал к назначенному времени. Зато появления генерала Бернова с Сахалина, где он готовился к предстоящей уже в ближайшие дни высадке, можно было ожидать не ранее чем через неделю. Так что отзывать его во Владивосток не стали. Заседание решено было провести неполным составом.

Быстро и без возражений согласовав все организационные вопросы, перешли к сути дела. Сначала в узком кругу зачитали секретные правительственные директивы и личные распоряжения государя императора. Также было озвучено решение высшего призового суда в Санкт-Петербурге относительно всех судов иностранных держав, взятых в качестве призов в ходе боевых действий первого года войны и морского наступления на Японию в течение весны – лета 1905 года. Телеграмма об этом пришла вчера.

К огромному облегчению всех флотских начальников, оно оказалось положительным. Все иски отклонены в связи с явными и грубейшими нарушениями правил ведения войны на море Японской империей, вероломно захватившей ряд русских торговых судов и их грузы в

своих портах и в море до официального объявления войны, что поставило ее саму и ее территорию вне законов в этом вопросе.

Основанием послужил июньский указ императора об отмене «Правил в войне на море», утвержденных в феврале 1904 года, и прочих подобных документов, в связи с несоблюдением данных правил противной стороной. Дальнейшая судебная словесная казуистика уже мало кого интересовала. Главным было то, что любое судно, независимо от флага, обнаруженное в японском порту или у берегов Японии с грузом, адресованным в эту страну либо отправляемым оттуда, подлежало аресту и конфискации.

Под эти статьи попал и «Калхас», освобождения которого, вслед за «Алантоном» и «Арабией», фактически добились его владельцы, но отдавать его им не спешили, а начали активно использовать в своих целях, ввиду острого недостатка подходящего грузового тоннажа, да вдобавок чуток поломали в Сасебо об японскую мину.

Затем присутствующие ознакомились с последними данными нашей внешней разведки и обсудили сложившуюся на данный момент политическую ситуацию. После фактического предательства интересов России Францией, считавшейся нашей союзницей, реальную, хотя и тайную, помощь в данный момент оказывала только Германия. Помимо «услуг» германского представителя во Владивостоке и его помощников в рамках уже заключенного между российским императором Николаем II и германским кайзером Вильгельмом II секретного договора, немцы теперь обеспечивали срочные поставки и монтаж оборудования для Владивостокского порта, а также снабжение и связь нашей третьей эскадры, благополучно форсировавшей Индийский океан.

Сейчас все корабли адмирала Дубасова уже начали ремонт в одной из германских островных колоний на Тихом океане, восстанавливая свою боеспособность после длительного перехода. Об этом великому князю Михаилу при краткой личной встрече, состоявшейся сегодня утром, сообщил сам адмирал Гинце.

Михаил подтвердил также, что приезд этого немца полностью согласован обеими сторонами на самом высоком уровне. После заключения «Тайного договора о взаимопомощи между русским и германским императорами» адмирал-штаб отправил специального полномочного представителя еще и в Циндао для обеспечения максимального содействия нашему Тихоокеанскому флоту. Благодаря этому теперь при помощи немецкого представителя во Владивостоке можно быстро выйти на связь даже с Берлином. Но это уже из области высших сфер. Более насущным являлась возможность обмениваться депешами с Дубасовым и согласовывать дальнейшие действия.

Но при этом помощь оставалась совершенно секретной, так как Германия не могла вступить в войну открыто. По условиям англо-японского союзного договора, это позволило бы англичанам также открыть боевые действия против России, что при отсутствии сейчас русского флота на Балтике создает явную угрозу столице.

Поскольку английская армия до сих пор еще не закончила свою масштабную реорганизацию, затеянную по итогам англо-бурской войны «комитетом Эшера», в данный момент ее боеспособность оценивается как не слишком высокая. Подтянуть колониальные войска они не успеют, следовательно, воевать, если до этого все же дойдет, Британия будет флотом. Это подтверждается и рядом высказываний лорда Фишера, активно занявшегося сосредоточением основной военно-морской мощи в водах метрополии. Защищать Санкт-Петербург в этом случае, согласно одному из пунктов договора, придется уже немецким броненосцам.

В том, что в случае крайнего обострения немцы пойдут на это, прекрасно сознавая, что рискуют положить в боях за своего нового союзника не менее половины флота, Михаил не сомневался. По его словам, именно сейчас мы нужны им едва ли не больше, чем они нам, так что вопрос военной безопасности европейских тылов можно считать решенным. Хотя на подобную эскалацию конфликта Британия вряд ли пойдет.

Более вероятным кажется экономическая блокада. В условиях, когда большая часть российской промышленности напрямую зависит от ввозимого английского угля, которого только одному городу Петербургу необходимо более миллиона тонн в год, резкое прекращение таких поставок может подрубить на корню все производство. Даже простое передвижение по стране станет весьма затруднительным, поскольку продукции собственных угольных выработок хватит лишь на десятую часть общей потребности.

Однако по дипломатическим каналам удалось получить достоверные сведения, что британские промышленники крайне не заинтересованы в таком развитии событий и уже задействовали все рычаги влияния на правительство, чтобы не допустить его. Как люди, весьма прагматичные, они прекрасно сознают, что мгновенно прекратить поставки просто невозможно. А постепенное перекрытие канала снабжения приведет скорее к логичной смене поставщика, чем к реальному удушению. Кроме того, сам эффект будет довольно растянут и вряд ли спасет Японию от поражения, зато гарантированно обеспечит потерю освоенного рынка сбыта. А терять миллионы фунтов в год им явно не хочется, тем более что есть способы повлиять на ситуацию, не теряя прибылей, а совсем даже наоборот.

Одним из них является усиление японского флота путем приобретения готовых кораблей на стороне. По вполне достоверным и проверенным сведениям, в данный момент Японией при посредничестве и активной кредитной помощи Великобритании куплены у Бразилии, Чили и Аргентины шесть броненосных крейсеров и один бронепалубный.

Японцы уже успели дать им новые имена. Бывший «Гарибальди» стал «Танго», «Пуйердон» переименовали в «Суво», «Бельгано» – в «Сагами», «Сен-Мартин» – в «Ивами», «О'Хигинс» – в «Цукуба». «Эсмеральда» теперь называется «Икомой», а бронепалубный «Чакобуко» – «Цугару». Перегонные команды для них уже отправились в Латинскую Америку из Куре и Йокосуки. Так что не позже чем через два с половиной – три месяца эти крейсера уже будут в Японии.

Маршрут движения, так же как и точная дата прибытия, не известен. Но даже если это и удастся выяснить, перехватить и утопить их еще в Тихом океане не получится, поскольку весь путь они будут идти под своими прежними флагами и под охраной английских крейсеров.

Конечно, прежде чем вступить в строй японского флота, им предстоит серьезный ремонт, так как техническое состояние всех кораблей на момент заключения сделки оказалось далеко от идеального. Да и переход через Тихий океан по диагонали повлияет на него явно не в лучшую сторону, так что чинить их придется, возможно, всю зиму. Но даже и в этом случае их появление здесь в корне изменит весь баланс сил на море и может привести к весьма печальным последствиям. В свете этих новостей даже скорый подход эскадры Дубасова не особо успокаивал.

Принудить Японию к заключению мирного договора до наступления холодов возможно только действуя согласованно и одновременно на всех направлениях. Заверения в этом из штабов всех уровней и раньше постоянно принимались телеграфом во Владивостоке. Но далее заверений нигде кроме корейского и курильского участков дело пока не шло. Даже предварительных наметок о сроках и направлении желательного незамедлительного наступления в Маньчжурии от армии так и не поступило.

В этой связи большие надежды возлагались на вновь назначенного командующего генерала Штакельберга. Отбросив журналистские байки про «генеральскую корову»¹¹, при назначении его на этот пост в Петербурге руководствовались отзывами о нем в бою. А там фигурировали формулировки: «...барон Штакельберг выказал личное мужество, спокойствие и

¹¹ Генерал Штакельберг, потеряв здоровье на военной службе, не мог обходиться без молочной кухни и специального режима питания. Для обеспечения всего этого его всюду сопровождала жена, что позволяло самому генералу заниматься исключительно своими прямыми обязанностями с максимальной отдачей.

распорядительность» или «...генерал Штакельберг с полным знанием дела лично руководил вверенными ему войсками и проявил необходимые для старшего начальника личное мужество и спокойствие». Он уже вступил в должность и в данный момент занят разработкой плана генерального наступления. Начинать активные действия немедленно он категорически отказался, добившись отсрочки в месяц для переформирования армий.

Следующим пунктом командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Бирилев довел до сведения всех собравшихся предварительный план по обеспечению максимальной безопасности уже достаточно хорошо освоенного северо-восточного морского маршрута снабжения. Самым трудным участком там до сих пор оставались проливы Курильских островов. Предусматривалась высадка десантов и создание сети сигнальных постов и береговых укреплений на самых южных, наиболее пригодных для заселения, островах архипелага. Реализация плана предполагалась до середины сентября.

Он был уже согласован с Петербургом, откуда совершенно неожиданно пришло предписание в случае невозможности полного овладения означенными островами либо их длительного удержания обеспечить гарантированную проходимость проливов между ними как минимум на всю вторую половину сентября. При этом строжайше оговаривалось, что в случае невозможности уложиться в указанные сроки следовало не позже чем за неделю известить германских представителей во Владивостоке, через которых информация пройдет дальше по инстанциям. Пользоваться для докладов по этой теме обычными телеграфными линиями под любыми кодами из соображений секретности категорически запрещалось.

Сначала решили, что это как-то связано с эскадрой Дубасова. Но бросалось в глаза несоответствие названных сроков со сроками предполагаемого завершения ее послепоходного ремонта. По самым оптимистичным оценкам, для этого требовалось не менее трех недель. Потом переход из южной части Тихого океана, минимум с одной промежуточной бункеровкой, так что ни к середине сентября, ни даже к концу месяца добраться до Курил он никак не успевал.

К тому же измотанным и растрепанным флотом «обеспечивать безопасность проливов» для свежей, хоть и не лучшим образом подготовленной эскадры, без их предварительного объединения казалось совершенно нелогичным. Если, конечно, снова не имеет место попытка запутать японцев.

Но запредельная секретность, явно превышающая уровнем проводимые ранее общефлотские операции, отметала эту версию. Дать какие-либо разъяснения по этому вопросу великий князь Михаил не мог, поскольку сам ничего не знал. Телеграмма из адмиралтейства со сроками догнала его уже здесь, во Владивостоке.

Далее заслушали начальника штаба заместника капитана первого ранга Клапье-де-Колонга. Эффективная деятельность штаба Тихоокеанского флота позволила заняться планированием мероприятий, гораздо более масштабных, чем всё, что проводилось до этого. К первому заседанию ДВС удалось подготовить предварительный вариант операции уже стратегического значения, с привлечением всех сил, действующих против Японии в Маньчжурии, Кореи и на морском театре войны. Его реализация должна была наконец склонить Страну восходящего солнца к заключению мира. Он был весьма перспективным, смелым, дерзким, но спорным по многим моментам.

Учитывая заинтересованность Англии и некоторых других стран в максимальном затягивании войны, с целью как можно большего ослабления России, сохранялась вероятность, что Японии, увязшей в долгах, просто не позволят пойти на мирные переговоры в данный момент. Поэтому, чтобы избежать вполне возможного перехода войны из активной фазы в многолетнюю вялотекущую, требовалось вынудить противника капитулировать. Причем еще до подхода к нему подкреплений из-за океана.

При этом было желательно вести все переговоры о мире с самого начала без посредников, так сказать с глазу на глаз, чтобы исключить малейшую возможность давления со стороны и не позволить лишить Россию плодов ее бесспорных побед последних месяцев. Для достижения всех этих условий требовалось предпринять масштабную десантную операцию непосредственно в районе Токийского залива, с овладением ключевыми позициями в нем самом.

Несмотря на кажущуюся невероятность такого предложения, оно было достаточно реалистично. К началу августа у штаба Тихоокеанского флота уже имелись наработки по этому вопросу. Правда, изначально рассматривался лишь вариант стремительного набега всеми силами флота, имевшего целью разрушение промышленных и военных объектов, с последующим быстрым отходом к своим берегам. При этом подавление достаточно мощной береговой обороны японской столицы (не имевшей аналогов по числу используемых орудий, в большинстве крупнокалиберных) считалось вполне возможным.

Однако в подобном виде такое мероприятие признавалось на момент разработки недостаточно эффективным, а потому нецелесообразным, учитывая возникающие при этом риски, уровень ожидаемых потерь и затрат ресурсов. Основные сложности тогда виделись в невозможности выделения достаточного количества пехоты и полевой артиллерии для проведения сухопутной операции соответствующего размаха в том районе, учитывая неизбежное яростное (вплоть до фанатизма) сопротивление противника. Не хватало и транспортного тоннажа.

Но теперь это вполне можно было осуществить, поскольку появилась возможность быстрого усиления воинского контингента в районе Владивостока путем переброски части резервов из Маньчжурии и перенаправления вновь прибывающих частей из невоюющих военных округов.

Для разгрузки конечного отрезка железной дороги уже начали активно использовать реки Аргунь, Сунгари и Амур. На них плотницкими артелями, завезенными с Дона, Волги и Двины еще два месяца назад, развернуто массовое строительство деревянных барж. А из европейской территории России в дополнение к трем, переданным КВЖД Заамурскому округу пограничной стражи и десяти выделенным Министерством путей сообщений для охраны водных путей от нападений хунхузов и китайских войск еще в прошлом году, доставлено более полутора десятков небольших буксирных пароходов. Это позволило теперь отправлять гораздо большую часть грузов со станции Тагань по Аргуни, а из Харбина по Сунгари с дальнейшим следованием по Амуру до Хабаровска и далее по Уссурийской железной дороге во Владивосток, либо в Николаевск с вывозкой морским транспортом.

Имелась отчетная телеграмма коменданта крепости Николаевск полковника Жукова о завершении развертывания перевалочного лагеря для ожидаемых войск в окрестностях укрепления Чнырах, где строится пристань и расширяются хозяйственные и складские постройки располагавшихся там ранее крепостной учебной команды и минной роты. После завершения работ (примерно через неделю) они смогут принять не менее двух полков для последующей перегрузки их на пароходы.

Поскольку крупные суда могут обрабатываться только в Амурском лимане, что дополнительно усложняется переменными приливно-отливными течениями и мелководьем с извилистым и изменчивым фарватером, часть новых больших барж и буксирных судов Амурской грузовой речной флотилии передана в ведение помощника коменданта крепости капитана второго ранга Тундермана, назначенного ответственным за организацию рейдовых работ. Начато расширение мастерских. Уже доставлены рабочие, станки и материалы из Сормова. Все работы ведутся за счет средств императорской семьи.

В связи с резким ростом объема перевозок через Николаевск потребовалось существенно улучшить разметку фарватеров на самой реке и в Амурском лимане. Огромный объем работ был выполнен в кратчайшие сроки под руководством помощника лоцмейстера Николаевской крепости поручика Седова.

Для защиты всего этого в устье Амура на мысах Те-бах и Пронге закончено строительство батарей временного типа по проекту начальника инженеров Николаевской крепости полковника Николаса, вооружаемых трофейной скорострельной артиллерией. Укрепления усилены минной станцией, перенесенной от Чнырраха с инженерными заграждениями и погружными решетками для мин Уайтхеда, изготовленными в Хабаровских артиллерийских мастерских, как на малмышской позиции. А все минное и наиболее современное береговое артиллерийское хозяйство из Малмышы и Софийска переехало в Чныррах, сменив имевшееся там старье. Так далеко отступать нынче стало не модно. Еще сохранившие боеспособность шести- и восьмидюймовые крепостные пушки и мортиры с Чнырраха и Мео использовали при организации противодесантной обороны, в том числе в Императорской Гавани и Де-Кастри. Расширена сеть сигнальных постов, с обязательной телеграфной связью.

Перевалка значительной части грузов на водный транспорт ощутимо разгрузила Китайскую восточную железную дорогу, дав возможность активнее использовать ее для переброски войск в пределах театра боевых действий. Теперь становилось вполне реальным быстро и существенно усилить Сахалинскую и Владивостокскую армейские группировки. Это позволит провести полномасштабную высадку на Курильских островах.

Для прикрытия атаки планом предполагалось одновременно напасть на несколько пунктов западного побережья острова Хоккайдо. В ходе обсуждения, учитывая, улучшение ситуации на железной дороге, вместо планировавшегося сначала простого набега решили развить акцию до десантной операции тактического уровня с кратковременным захватом нескольких небольших портов и разрушением укреплений в проливе Цугару. В том числе и крепости Хакодате с портами Муроран, Оминато и Аомори.

Кроме отвлечения внимания и, что не менее важно, наработки опыта в подобных делах, это позволяло существенно обезопасить наши коммуникации в северной части Японского и Охотском моря от возможных атак противника с его самых северных баз в проливе и заливе Муцу.

Судя по выкладкам штабов, несмотря на большой риск, при наличии достаточных сил, расширение атакуемой территории на самом северном из Японских островов до всего его западного побережья и пролива Цугару с нейтрализацией расположенных в нем морских баз становилось целесообразным и вполне реальным.

Кроме уменьшения угрозы для перевозок по всей северной части Японского моря и юга Охотского, в этом случае появлялась возможность освоения в перспективе дополнительного маршрута, как для снабжения Владивостока, так и для предстоящей быстрой и скрытной переброски войск в район Токийского залива. Сроки на детальную проработку и проведение операции по захвату портов на Хоккайдо отводились самые минимальные.

Вообще на заключительном этапе войны считалось желательным занятие возможно больших японских периферийных территорий, особенно на севере. Кроме весьма вероятного оттягивания этим сил противника в северные воды и, соответственно, ослабления блокады Цусимы и Корейских проливов, это должно было вынудить перебросить еще и часть войск из центральных территорий на Хоккайдо для отражения попытки нашей оккупации японских земель. Вполне вероятно, такие действия могли привести к существенному сокращению численности, в том числе и столичного гарнизона.

Помимо военной необходимости атака Хоккайдо имела и перспективные политические цели. Удержание контроля над несколькими, пусть вовсе и не нужными нам, портовыми городами с прилегающими к ним землями на этом острове давало возможность в ходе предстоящих мирных переговоров пойти на территориальные уступки, сохранив твердость в ключевых вопросах.

Следующим пунктом для обсуждения стала Маньчжурия. Для гарантированного принуждения Японии к капитуляции, причем в кратчайшие сроки и на максимально выгодных

для России условиях, было необходимо добиться кардинального изменения ситуации на главном сухопутном фронте. Не побежденные армии маршала Оямы станут сильным аргументом на переговорах.

Параллельно с возобновлением наступательных действий флота и активизацией в Маньчжурии считалось необходимым добиться максимального укрепления позиций на Цусиме, которую нельзя было отдавать обратно ни при каких обстоятельствах. Если Цусима останется нашей до самого конца войны, Россия получит еще один, гораздо более удобный и гарантированный незамерзающий выход на юг в Тихий океан, который уже невозможно будет перекрыть. Кроме того, требовалось удержать южные Курильские острова, обеспечив прямой и безопасный выход на восток.

Далее обсудили сроки и последовательность действий на всех участках. Но с учетом ожидаемого роста активности противника и временной небоеспособности основных сил флота – лишь предварительно. Доработка основных пунктов плана заняла весь остаток дня, захватив еще и полночи, а после небольшого перерыва – еще и утро, и была завершена только к полудню 29 августа. Дальше предстояла детальная проработка на местах с последующим окончательным согласованием того, что получится в итоге. Но это уже можно было доверить телеграфу, поскольку, учитывая обширную географию театра военных действий, время для новых заседаний таким же составом вряд ли удастся выкроить.

Первым уехал Хрещатицкий, получивший телеграмму о начавшихся крупных волнениях в Чите. Генерал-губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант Холщевников сообщал, что после отлова нескольких возмутителей спокойствия забастовка на железной дороге прекратилась, но «полыхнуло» в казачьих станицах¹². Так что Хрещатицкий, являвшийся наказным атаманом Приамурских казачьих войск, был вынужден срочно отправиться туда. Следом разъехались и остальные.

Обошлось без торжественных фуршетов и молебнов. То есть они, конечно, были, но никто из участников первого заседания присутствовать на них не смог. Уже к вечеру многие убыли по своим местам дислокации, имея на руках совершенно секретную копию общего плана для дальнейшей работы с ним в своих штабах, применительно к своей зоне ответственности. Времени, как всегда, не хватало. Так что в Маньчжурию, впереди нового командующего, сплошным потоком шли телеграфные распоряжения.

А во Владивостоке, как в столице русского Дальнего Востока, становилось все больше политики. Несмотря на то, что всех коммерческих агентов с приходом эскадры удалось выселить под благовидными предлогами, с развитием базы и порта рос и штат иностранных военных атташе. Кроме вернувшегося американского военного наблюдателя, появились еще австрийский, итальянский и французский. Только английскому было категорически отказано, как союзнику страны, находящейся в состоянии войны с Россией. Зато прибыла целая делегация немцев.

Со всеми аккредитованными Рожественский познакомился на торжественном приеме, все же устроенном в офицерском собрании в честь победного возвращения эскадры и приезда столь высокого гостя из столицы. Но если американец, итальянец и француз в практическом смысле могли оказаться полезными только при решении вопросов в рамках призового суда относительно контрабандистов, и заместника совершенно не заинтересовали, а на австрияка в жандармском управлении вообще имелись материалы о шпионаже и готовилось постановление о выдворении его из крепости, то немец был намного серьезнее. Уже зная из телеграмм, полученных на Цусиме, и разговоров с доставившими их подводниками о значимости немец-

¹² Генерал-губернатор Забайкальской области сумел избежать эскалации насилия в ходе революционных событий 1905 года, когда в Чите бастовали железнодорожники, а треть казачьих станиц их поддерживала. За это был обвинен в сочувствии революционному движению, смещен с должности и приговорен к 16 месяцам заключения, но помилован в 1907 году.

кого содействия, Рождественский, тем не менее, оказался поражен тем, насколько германская делегация оказалась полезной и своевременной.

Сразу по возвращении эскадры у него побывал старший артиллерист флота барон Гревениц и кратко ввел в курс дел, обосновав колоссальный расход тяжелых боеприпасов и полное исчерпание ресурса артиллерии главного калибра «Сисоя» и «Александра». Соответствующую записку предоставил и адмирал Бирилев, так что наместник имел возможность ознакомиться с двумя несколько различающимися, но однозначно положительными отзывами о новых тайных союзниках.

С этими отзывами соглашался и Михаил, предварительно информированный еще перед отъездом, а уже здесь имевший короткую встречу с контр-адмиралом Гинце, являвшимся теперь официальным представителем от Германской империи во Владивостоке. Тем самым Паулем фон Гинце, которого Рождественский собирался взять с собой в качестве военного наблюдателя, еще отправляясь с Балтики. Однако тогда в этом было отказано самим Вильгельмом II, заявившим, что присутствие германского военного атташе на эскадре не укладывается в представление о нейтралитете.

Теперь же он приехал сам, якобы для «контроля за соблюдением прав германских подданных на Дальнем Востоке». При этом тайно привез четыре комплекта стереодальномеров фирмы Карла Цейса. Эти дальномеры начали выпускать серийно всего четыре года назад и никому еще не продавали. Они стояли на вооружении германского флота и отличались от дальномеров «Бара и Струdda» тем, что позволяли измерять не только дальность до цели, но также и дальность до всплесков от падения своих залпов.

В отличие от английских, немецкие дальномеры были заметно сложнее и требовали большей квалификации при обслуживании. Зато они не нуждались в резко очерченных вертикальных контурах целей, таких, как трубы или мачты, и были менее требовательны к условиям видимости и освещенности целей. Но это все на учениях. Боевую проверку они еще не проходили.

Пока наместник устраивал погром в японских портах, Гинце, едва появившись во Владивостоке, лично, из рук в руки, передал вице-адмиралу Бирилеву конверт со своей визиткой, в который был вложен и перечень всего доставленного. Как только стало известно о секретном грузе германского атташе, с ним немедленно устроили официальную встречу. В итоге последовало секретное распоряжение Бирилева о срочном начале испытания приборов пробными стрельбами на броненосце «Сисой Великий».

Поскольку его штатная стоянка в системе береговой обороны находилась достаточно далеко от порта и города, должный уровень скрытности можно было соблюсти достаточно легко, объяснив далекий грохот пушек учениями с предварительной пристрелкой охраняемой акватории.

Сам командующий флотом появился на броненосце за час до начала испытаний, чтобы проконтролировать ход ремонта и проследить за порядком. Основной целью визита было окончательно убедиться, что никаких переделок, грозящих задержкой ввода в строй или снижением боеспособности кораблей, это не потребует.

До прибытия атташе он успел провести адмиральский смотр, обнаружив массу недоделок и упущений по службе, что, в принципе, не удивительно на ремонтирующемся корабле, одновременно проходящем курс боевой подготовки и несущем караульную службу. В итоге к началу стрельб весь командный состав «Сисоя» находился в несколько взвинченном состоянии, что, впрочем, не повлияло на их итог.

При тестировании новых дальномеров с немецкой техникой управлялись прибывшие с Гинце под видом гражданских наладчиков радиоаппаратуры от фирмы «Телефункен» фрегаттен-капитан фон Шпее и корветтен-капитан фон Хиппер, имевшие на руках документы на другие имена. Кажущаяся, на первый взгляд, чрезмерной, «накрученность» новых приборов,

при ближайшем рассмотрении позволяла исключать из управления огнем некоторые этапы, упрощая стрельбу в целом.

Наши артиллерийские офицеры высоко оценили возможности германской техники и активно взялись за ее освоение. Стрельбы «Сисоя» стали каждодневными. При этом для сохранения секретности его до самого начала ремонта пришлось отправить в залив Посьет якобы «для усиления обороны». Там к этому времени уже организовали новый секретный артиллерийский полигон, быстро разраставшийся.

Кроме дальномеров с немцем прибыли еще три комплекта радиостанций дальней связи и группа «наладчиков радиоаппаратуры». Эти специалисты должны были установить привезенные станции, а также наладить другие аппараты беспроволочного телеграфа немецкого производства, уже стоящие на кораблях эскадры и берегу, обеспечив паспортные дальности их приемопередачи. Они заверяли, что, оптимизировав длину и положение антенн, а также настроив должным образом сами передатчики, смогут увеличить дальность с прежних трехсот с небольшим миль более чем в полтора раза. От немецких наладчиков узнали, что на «Славе», флагмане третьей эскадры, стоит такая же мощная станция с дальностью работы до 800 миль. Ее погрузили на борт броненосца уже в море при одной из бункеровок и должны были довести до рабочего состояния на переходе.

В дополнение к отличной немецкой технике Гинце привез с собой, также под видом мирных радиоинженеров, корветтен-капитанов фон Трота и Эгиди, которые с самого приезда тоже занялись «наладкой станций». Начали они с установленной в штабе флота.

И действительно, качество и дальность связи с их появлением заметно улучшились. При этом для профессиональных консультаций они по телеграфу нередко связывались с Циндао. Это в принципе объяснимо, учитывая, что ближайшая контора компании «Сименс» находилась именно там, а они числились ее штатными сотрудниками.

Но общались они кодированными телеграммами отнюдь не с конторскими клерками, а непосредственно с начальником штаба крейсерской эскадры Восточной Азии фрегатен-капитаном Вильгельмом Сушоном и представителем Адмиралыштаба контр-адмиралом фон Мюллером. Также через Циндао они обменивались депешами с Хербертсхёе и Симпсонхафеном на Новой Гвинее, откуда пароходами поддерживалась связь с Марианскими и Гавайскими островами, что объяснить для кого-то постороннего уже много труднее.

Правда, обо всем этом почти никто не знал. Зато, благодаря им, те, кому было положено по службе, в штабе Тихоокеанского флота во Владивостоке узнали, что еще 9 июля в Йокагаму из Сан-Франциско доставили газодельный завод, баллоны с газом, запас кислоты и группу инструкторов из американских воздухоплателей для обучения японских офицеров. При этом указывалось, что противник использует трофейный воздушный парк, захваченный на русском пароходе «Маньчжурия» в самом начале войны, еще до ее объявления.

Таким же способом узнали о приближении к Дальнему и другим портам в Китае и Корее того самого большого японского армейского конвоя, охраняемого всем их боеспособным флотом. Причем тогда, когда он еще только подходил к Квельпарту, где его встретил германский почтово-пассажирский пароход, шедший из Циндао на Гуам и сообщивший об этом по радио.

Новостям про конвой сначала не поверили, а когда, спустя сутки, все подтвердилось нашей агентурой из Шанхая, мимо которого он проследовал в северном направлении, а потом и резидентами в Чемульпо, Дальнем и других портах, немедленно известили Рожественского на Цусиме.

Потом, также через этих немецких «наладчиков», по линии командования крейсерской эскадры Восточной Азии было получено подтверждение сообщения «Светланы» о присутствии японского флота в Корейском заливе 31 июля. Оперативное предоставление достоверной информации сыграло важную роль в успехе сасебской авантюры.

А буквально на днях от немцев пришли сведения об активизации работ с японскими подлодками в Йокосуке, для которых сейчас набираются постоянные экипажи. Ни одна из них до сих пор не прошла весь цикл испытаний, но все уже включены в состав флота и, предположительно, будут использоваться для обороны Токийского залива.

Сотрудничество делегации Гинце с нашей разведкой и артиллеристами держалось в строжайшем секрете. Официально она занималась только радиоаппаратурой, а атташе обеспечивал интересы германских граждан и фирм, имевших торговые дела во Владивостоке или привлеченных к суду призового права за контрабанду.

Но штабом флота и его командующим, вице-адмиралом Бирилевым, столь ценная и своевременная техническая помощь и информация оценивались высоко. Единственной ответной просьбой Гинце стало присутствие немецких наблюдателей непосредственно на кораблях действующей эскадры. Но такое разрешение, даже несмотря на имевшееся у немцев письменное одобрение российского императора и германского кайзера, мог дать только наместник лично, так что они возвращения Рождественского ждали с не меньшим нетерпением, чем весь остальной Владивосток.

Когда эта встреча все же состоялась, Гинце первым делом выразил восхищение инженерным корпусом базы Владивосток, отметив, что столь большого числа прекрасно подготовленных специалистов он никак не ожидал здесь увидеть.

В том, что это отнюдь не лесть, а простая констатация факта, Зиновий Петрович не сомневался, однако был неприятно удивлен осведомленностью об этом иностранного подданного. Но когда в ходе дальнейшей беседы выяснилось, что немец смог узнать все это в ходе переговоров с представителями фирмы «Шихау», участвовавшими в передаче и установке доставленного недавно полного комплекта оборудования для мастерских в бухте Уллис в рамках выполнения запланированных в соответствии с контрактом работ¹³, успокоился.

Гинце уверил его, что все прибывшие специалисты из Германии будут находиться здесь столько, сколько необходимо для дела, и приложат все силы для скорейшего исполнения всех пунктов заключенных договоров, а также для освоения новой техники нашими инженерами и мастерами.

Кроме того, он примет все меры к тому, чтобы как сам характер уже доставленного и еще находящегося в пути сюда технического и прочего секретного груза, проходивший по бумагам как мука, уголь и замороженное мясо, так и квалификация людей, его сопровождающих, оставались тайной. За это он может поручиться. В дальнейшем это подтвердилось.

Так, в военных хлопотах, незаметно пролетел почти весь август. О том, что скоро осень, напомнил сильнейший ливень, разразившийся с вечера и закончившийся только к полудню следующего дня. Вода переполнила не только реки, но залила сплошными потоками и некоторые улицы. После него погода резко поменялась. Залитый солнцем пляжный сезон осталось только вспоминать. Почти каждый день стал ненастным. Лишь в редкие просветы, выпадавшие среди туч, теплые лучи еще успевали прогревать мостовые и скалистые утесы. Но зато случавшиеся еще местные «непролазные» туманы стали заметно реже.

Столица Дальнего Востока жила насыщенной жизнью. Великий князь Михаил принимал участие во всех официальных мероприятиях, как представитель царской фамилии. Кроме

¹³ В реальной истории 20.11.1904 г. Ф. Шихау подписал контракт, по которому его фирма обязалась построить 10 миноносцев для русского флота по чертежам миноносца «Кит». По готовности их должны были разобрать и доставить в Либаву или Петербург, а уже оттуда по железной дороге на Дальний Восток, после чего снова принять во Владивостоке, собрать и сдать в казну. Первый миноносец должны были поставить в Россию через шесть месяцев, второй через месяц и одну неделю после первого, и так далее. Завершение всех работ ожидалось к 06.05.1906 г. Эта серия истребителей миноносцев получила название тип «Инженер-механик Зверев». Первый доставили в Петербург 08.06.1905 г., второй – 10.07.1905 г. Но в ходе войны и после ее завершения специалисты немецкой верфи отказались ехать во Владивосток, и оба перевезенных туда в разобранном виде корабля собирали уже исключительно наши специалисты, что вызвало значительную задержку. Остальные 8 единиц серии собирались фирмой «Шихау» и так и остались на Балтике.

того, он был включен в состав штаба наместника, так как предполагалось его активное участие в дальнейшей проработке стратегического наступления. Чтобы иметь ясное представление о новых возможностях главного калибра Тихоокеанского флота, как только броненосец «Александр III» вышел из ремонта, Рождественский вместе с ним отправился в залив Посъет на пробу крупнокалиберной артиллерии. Их сопровождал барон Гревениц.

Прибыв в бухточку Пемзоя, встали на якорь на артиллерийском полигоне, заметно расширенном и обустроенном обосновавшимся здесь капитаном первого ранга Цывинским, уже второй месяц занимавшимся разработкой методик стрельбы на большие дальности и составлением уточненных таблиц. Он прибыл во Владивосток еще в начале июля вместе с Гинце в качестве его сопровождающего и, передав его на попечение штабу флота, занялся своими делами.

Поднявшись на борт, Цывинский доложил результаты недавних учебно-тренировочных стрельб главными калибрами эскадры и способы их проведения. По всему было видно, что к делу здесь подошли основательно. На береговой отмели соорудили громадный дощатый щит, а рядом с ним оборудовали обсервационный пост, с которого передавались данные для специальной артиллерийской комиссии, составлявшей таблицы.

Имевший тогда еще исправные орудия главного калибра и практически переученные заново расчеты их башен, «Сисой», а потом и «Александр III» вставали на вехах, отмечавших расстояние в кабельтовых от щита, и стреляли из 305-миллиметровых пушек «откалиброванными» снарядами, используя стандартные, но тоже проверенные по весу и качеству пороха, заряды. Сразу производились все необходимые замеры и вычисления. Дистанция постепенно увеличивалась, достигнув сначала 35 кабельтовых, дойдя в итоге до предельных дальностей по углу возвышения стволов¹⁴.

Сейчас «Александр III» должен был по той же методике отстрелять свой новый главный калибр. Поскольку все уже было обкатано, много времени на это не потребовалось. К исходу дня стрельбы завершились. Расхождения с новыми таблицами оказались совсем незначительными и вполне укладывались в погрешности измерений и законы рассеивания. К этому времени в залив пришел броненосец «Бородино», вставший на якорь рядом с «Александром III».

Еще во Владивостоке, до отправки на полигон, прислуга башен и артиллерийских рубок обоих броненосцев была дополнена переученными артиллеристами и офицерами «Суворова». С «Александра» семафором передали распоряжение приступить к стрельбам согласно плану учений, после чего двинулись в море для отработки методики ведения сосредоточенного огня двух кораблей по движущейся цели на больших дальностях. В качестве мишени использовали старую большую китайскую шхуну, пущенную без экипажа под парусом. Ветер был довольно свежий, и шла она хорошо.

Уже в вечерних сумерках «Александр III» начал пристрелку поочередными залпами башен главного калибра на 47 кабельтовых, добившись накрытия третьим залпом, после чего передал данные на «Бородино», и оба броненосца открыли огонь из всех исправных башен, четко чередуя залпы. В итоге, неожиданно для всех, быстро прикончили свою мишень.

Стреляли практически снарядами, дававшими только всплески, без разрыва, так что попадания не разбили в щепки деревянную посудину, а просто прошли ее навывлет несколько раз, от чего она легла на борт и все еще плавала в таком состоянии до подхода броненосцев.

Спустив шлюпки и осмотрев ее, обнаружили две пробоины в корпусе и еще три дыры в парусе. Расход снарядов составил 18 для «Александра» и 14 для «Бородино» по главному калибру и 54 шестидюймовых. Учитывая заметно больший разброс в 305-миллиметровых залпах у «Бородино» и отсутствие пушек в 152-миллиметров у его напарника, чьи шестидюймовки, наконец-то доставленные с Черного моря, еще только выгружали из поезда во Владивостоке, принадлежность попаданий по диаметру дыр определить оказалось не сложно.

¹⁴ См. комментарий 4 в конце книги.

Оба попадания главного калибра, скорее всего, являлись заслугой артиллеристов с «Александра III», поскольку именно после его второго накрытия посудина заметно покосилась, что отметили все наблюдатели, а дыры меньшего размера однозначно были работой пушкарей второго корабля в колонне.

Столь выдающийся результат произвел сильное впечатление не только на великого князя, но и на Рожественского, считавшего себя уже морально готовым к чему-то подобному. Никаких махинаций тут точно быть не могло. Все произошло на глазах и не являлось случайностью.

Лейтенант Гревениц явно остался доволен произведенным эффектом, однако заявил, что всего лишь удовлетворен такой статистикой и что это еще не предел. Причем результат абсолютно точно никак нельзя считать случайным. По его словам, в ходе одной из стрельб цель накрыли пятым залпом в восьми милях, то есть на предельной дальности главного калибра. При этом из-за большого расстояния ее даже не видели башенные наводчики, только старший артиллерист на мачте. И эти дистанции далеко не предел для крупнокалиберной артиллерии.

По расчетам Цывинского и других артиллерийских офицеров, в случае создания искусственного крена на противоположный стреляющему борт в три градуса путем затопления бортовых коридоров, дальность стрельбы на максимальном угле возвышения орудий без каких-либо переделок превысила бы даже сто кабельтовых. При этом вероятность поражения крупноразмерной, даже двигающейся цели, наблюдаемой из артиллерийской рубки на мачте, остается достаточно высокой.

Когда броненосцы уже в темноте вернулись на рейд, Зиновий Петрович вместе с Михаилом сразу отправился на обсервационный пост, где долго беседовали с капитаном первого ранга Цывинским, выясняя причину столь резкого увеличения эффективности огня даже за горизонтом.

Оказалось, что здесь имеет место стечение сразу нескольких факторов, от более точных таблиц стрельбы, полученных практическим путем, до улучшения системы управления огнем и метода корректировки залпов по знакам падения, основанного на разработанной бароном Гревеницем методике пристрелки залпами на больших дистанциях. При этом «Александр III» еще не имел немецких дальномеров, с которыми, по словам работавших с ними офицеров, пристреливаться можно быстрее. Все это Цывинский уже изложил в составленной им докладной записке.

Эти самые немецкие дальномеры, уже вполне освоенные нашими артиллеристами, должны были еще больше повысить эффективность стрельбы с тяжелых кораблей. Возможность измерения дистанции до всплесков от своих снарядов заметно уточняет и ускоряет пристрелку, что дает значительное увеличение шансов на благоприятный для нас исход боя на недостижимых ранее дальностях с его самых первых минут. Особенно, учитывая, что значительный угол падения снарядов позволяет поражать жизненно важные части хорошо защищенных кораблей через слабо бронированную палубу. Теперь стрельба на пять миль и даже более из тяжелых орудий – не почти бессмысленное выбрасывание снарядов в море, а вполне эффективный и неожиданный для противника тактический прием.

Как показали практические стрельбы, на точность влияло еще и то, что наши более короткие, чем у противника, снаряды на протяжении всей траектории своего полета не имели склонности кувыркаться в воздухе. Ну и значительная практика, конечно же. На тренировочно-исследовательских стрельбах в общей сложности «сожгли» полторы сотни снарядов для главного и более полтысячи шестидюймового калибра, чем привели в полнейшую негодность пушки «Сисоя». Но на этом не остановились.

Уточнением полученных таблиц и окончательной отработкой новых приемов пристрелки полностью доконали оставшиеся родные пушки всех калибров выше трех дюймов «Александра III», доведя количество истраченных «напрасно» снарядов до вообще неприличных

цифр. Отчет об этом по официальным каналам пока не отправляли, опасаясь, что могут прознать японцы.

Кроме составления точных таблиц и тренировки расчетов за прошедшее время на полигоне отработали методику сопровождения высаживающегося десанта огневым валом со стрельбой по данным, постоянно получаемым с воздушного шара, с судов, участвующих в высадке, или с береговых сигнальных постов.

Это позволяло обеспечить более эффективную помощь флота пехоте при штурме берега. Правда, изначально вело к большому расходу боеприпасов, поскольку «работать» в этом случае приходится по площадям, не дожидаясь проявления активности обороны противника.

В Петербург за это время ушло несколько телеграмм с сообщениями о явной вредительской деятельности ряда офицеров флота, по мнению «доброжелателей», необоснованно выбившихся в фавориты нового наместника императора. А самого наместника обвиняли в тайном саботаже и уклонении от боя с противником с уроном для чести флага и умышленном нанесении ущерба казне.

В отчете, который Цывинский предоставил наместнику и великому князю, содержались подробные разъяснения о целях всех проведенных стрельб и их полный анализ. Также рекомендации по способам пристрелки в различных ситуациях, в зависимости от состояния моря, видимости и состава отряда, ведущего сосредоточенный огонь и, соответственно, от типа артиллерии, используемой при этом, и прочих факторов.

Только ближе к полуночи Рождественский с Михаилом наконец прояснили все, что хотели. Поблагодарив капитана первого ранга за огромную работу, сделанную в таких непростых условиях и в кратчайшие сроки, предложили ему отужинать вместе. Но тут выяснилось, что все это время окончания доклада дождался его сын, мичман Цывинский, командир одной из 152-миллиметровых башен с «Бородино», так что того сразу отпустили.

На следующий день вернулись во Владивосток, где наместник императора вновь был вынужден с головой уйти в бюрократическую переписку с Петербургом. Как обычно, косяками всплывали совсем неприятные моменты, в основном связанные с межведомственными неувязками. Из столицы, все так же сплошным потоком шли предписания, распоряжения и требования. При этом, несмотря на выданный лично императором карт-бланш на войска, вооружения и прочие виды снабжения, все статьи запрашиваемого подвергались жестокому редактированию, о чем даже не всегда сразу сообщалось во Владивосток.

Так, например, запрос на отправку в распоряжение Владивостокской крепости нескольких гвардейских полков, как наиболее укомплектованных, был урезан более чем в два раза, с объяснением, что гвардейцы нужнее в столице и крупных городах для усмирения беспорядков, набирающих силу в последнее время. А войска на Дальний Восток и без гвардии поступают регулярно. При этом тот факт, что во Владивосток и его окрестности отправляли в основном резервистов, призванных из запаса, совершенно забывших все, чему их учили, а порой и не видевших никогда нового вооружения, совершенно не учитывался.

Примерно так же решался вопрос с пополнением артиллерийского парка Владивостокской крепости взамен уже вывезенных на Сахалин, Цусиму, в залив Посьет, Гензан и в Порт Шестакова орудий. Этого никто не пытался компенсировать хотя бы старыми моделями. Предложение о временном частичном разоружении в пользу воюющего Дальнего Востока Варшавской, Ивангородской и других западных крепостей, отправленное в столицу еще в июне, было вроде бы одобрено, но на практике вопрос решался крайне медленно.

До сих пор доставили только полтора десятка легких восьмидюймовых крепостных мортир, до того пылившихся на складах. А для комплектования активно строящихся повсеместно береговых батарей вместо современных шестидюймовых скорострелок системы Канэ, которых

теперь не хватало даже на нужды флота для возмещения потерь, или хотя бы обуховских тридцатипятикалиберных пушек, прислали соответствующее заявке число осадных шестидюймовок в 120 пудов, почти бесполезных в береговой обороне. Девятидюймовок с длиной ствола в 22 калибра, заказанных для вооружения тяжелых крепостных противодесантных батарей, укрытых в складках местности, привезли только четырнадцать штук из запрошенных сорока двух. Это при том, что необходимые детали для переделки их лафетов под углы возвышения до 35° в артиллерийских мастерских Владивостока изготовили в срок, работая круглосуточно и параллельно с выполнением заказов флота.

С испрашиваемыми пушками главного калибра «Ростислава» также возникла заминка. Причем никаких разъяснений так и не дождались. Только в ответ на личный запрос великого князя, отправленный им уже из Владивостока, адмиралтейство сообщило, что на Черном море в интересах Дальнего Востока уже разоружены два броненосца, в том числе новейший «Князь Потемкин Таврический». В свете обострившихся отношений с Англией предлагалось подождать более подходящего момента либо искать иной выход! И это в разгар боевых действий, когда в прямом смысле слова не из чего стрелять!

Впрочем, когда суть этого запроса стала известна новому шефу флота великому князю Александру Михайловичу, вопрос сдвинулся с места. Из адмиралтейства пришла депеша, в которой сообщалось, что «Ростислав» использовал свой главный калибр для уточнения таблиц стрельбы, в связи с поступившими из Владивостока сведениями о значительном расхождении табличных значений с фактическими по двенадцатидюймовым пушкам. Поэтому смысла отправлять его артиллерию уже нет. А на Дальний Восток отгрузили оба ствола запасных пушек из первой минимально упроченной партии десятидюймовок, изготовленных для броненосцев береговой обороны, как оказалось, имевшихся на складах. Также, по мере завершения изготовления, отправят еще два запасных ствола того же типа, что стоят на «Ослябе».

Но в итоге вместе с доставкой это займет немалое время. Рекомендовалось в качестве резервного варианта рассмотреть возможность установки 229-миллиметровых пушек в 35 калибров с соответствующей переделкой станков и систем подачи. Сами эти орудия, снятые с «Александра II» и отремонтированные на заводе, так же как и комплект снарядов, уже отправлены поездом более двух недель назад.

Эта рекомендация вызвала некоторое замешательство у всех в крепости, кто был с ней ознакомлен и представлял объем связанных с переделками работ. Даже в Петербурге, с его развитой промышленной базой, это заняло бы немалое время, что полностью исключало вероятность успеть. А уж здесь-то!.. Судя по всему, столичные кабинетные реалии сильно отличались от суровых местных.

Возникли серьезные затруднения и с изъятием артиллерии и припасов из «Особого запаса» Одесского военного округа. Пока оттуда привезли только несколько вагонов снарядов для полевых и десантных пушек. По всем остальным пунктам до сих пор шли бесконечные совещания, не дававшие никакого результата.

А вопрос о найме или приобретении крупного быстроходного судна для скорейшей доставки дополнительного боекомплекта для эскадры, как выяснилось лишь спустя два месяца после внесенного Рождественским предложения, сразу даже не стали рассматривать, поскольку теоретически получалось, что быстрее возить поездами. Эшелон из европейской части страны шел три-пять недель, а морем все это надо было везти не менее чем полтора-два месяца, учитывая время для поиска подходящего судна. К тому же был риск перехвата груза японцами.

Но фактически по железной дороге за все время с момента прорыва второй эскадры, то есть с конца мая, успели доставить только три четверти боекомплекта 305-миллиметровых

снарядов. Это если их делить поровну и только между новыми кораблями (включая «Александр III»). Но после последних секретных учебных стрельб из тяжелых орудий, оказавшихся весьма интенсивными, этот запас заметно сократился и был теперь вообще вопиюще недостаточным.

А новые боеприпасы больших калибров поступать вообще перестали. Везли только старые, изымаемое из arsenалов. При этом нужно заметить, что среди всего доставленного, кроме остатка стандартных 331-кило-граммовых снарядов нового образца (бронестойких и стальных фугасных с обычной пироксилиновой или пороховой начинкой) привезли еще 85 штук вовсе древних легких 286-килограммовых чугунных бомб. А с ними еще и устаревшие «удлиненные» тяжелые 455-килограммовые бронестойкие снаряды закаленного чугуна, в количестве 72 штук, совершенно не пригодных для современного морского боя, к тому же нуждавшихся в замене взрывателей. Кроме того, еще 64 тяжелые чугунные бомбы с таким же весом с разрывным зарядом из черного пороха и уже негодными ударными трубками французского типа.

Таким образом, теперь у флота имелось более двухсот устаревших снарядов 305-миллиметрового калибра, использование которых было, мягко говоря, затруднительно. Ни на снарядные стеллажи в погребах, ни на элеваторы «Бородинцев» тяжелые снаряды просто не влезали. Да и смысла закидывать их туда никакого не было. Они, так же как и легкие чугунные бомбы, гарантированно развалились бы в стволах при выстреле.

Несколько смягчало ситуацию, что эти нестандартные боеприпасы могли быть использованы при стрельбе по берегу из пушек-старичков отряда контр-адмирала Небогатова. Легкие бомбы годились для главного калибра «Николая», а тяжелые для «Наварина».

Однако, располагаясь в погребах «антикваров» вместе со стандартными снарядами, они серьезно осложняют жизнь артиллерийским офицерам, которым и без того проблем со своим хозяйством хватало. Для двенадцатидюймовок «Николая» и «Наварина» точных таблиц стрельбы вообще не было. Отправленный в Севастополь еще в мае запрос на них остался без ответа. До сих пор пользовались только старыми, составленными по расчетам, уточненным результатами стрельб Небогатова на переходе, в Майдзурском деле и на Цусиме.

Такая разносортница с боеприпасами говорила о полной неразберихе, царившей в арсеналах, при отгрузке и в полной мере характеризовала состояние тылового обеспечения воюющих армии и флота в данный момент. Отправляли все, что подходило по калибру, не вникая в подробности. Главное, чтобы в пушку влезло.

Для башенных орудий малых броненосцев завезли чуть более одного комплекта 254-миллиметровых снарядов, правда, исключительно стальных фугасных. Хорошо хоть чугунных и сегментных в их числе не оказалось. Сказалось комплектование стандартными фугасами береговых и морских пушек Морского и Военного ведомств. Хотя бы нашлось, откуда готовое взять.

Девятидюймовых снарядов привезли всего 78 штук. Правда, все они оказались 188-килограммовыми «тяжелыми» стальными бомбами. Вся партия соответствовала заявленным весовым характеристикам и ни в калибровке, ни в переснаряжении не нуждалась, что было достаточно редким явлением, как показали последние контрольные замеры. Эти, по сути, полубронестойкие снаряды с довольно мощным разрывным зарядом годились и для морского боя и для обстрела берега.

Вместе с остатком подобных боеприпасов, доставленным «Анадырем» с Цусимы, это даже с запасом покрывало потребности промежуточного калибра главного «крейсеровойца» Тихоокеанского флота, единственного на эскадре, кому они были нужны. В сложившихся обстоятельствах восполнять убыль стальных бомб в погребах мортирных береговых батарей 229-миллиметрового калибра в ближайшее время не собирались, надеясь обеспечить оборону главной базы с суши активными действиями на море, на худой конец более современными батареями.

Но снаряды больших калибров почти всех партий (с единственным исключением) имели значительные разбросы по массе и нуждались еще в подгонке, дефектовке, замене взрывателей или вообще в полном пере-снаряжении. Кроме того, для части из них пороховые заряды не были сформированы, а пироксилиновый порох для них и дымный для снаряжения фугасов и немного пироксилиновых шашек привезли несколькими эшелонами по одному-два вагона россыпью, еще в заводской расфасовке.

Это все дополнительно напрягало и без того перегруженные снарядные мастерские, фактически не повышая боеспособности флота в ближайшее время. Для выполнения всех заявок требовалось не менее двух недель напряженной работы и расширение штата мастерских втрое, чтобы обеспечить круглосуточную работу и избежать переутомления. Повторения во Владивостоке инцидента, случившегося на одной из батарей Кронштадта в 1903 году, никто не хотел.

Для скорострелок пока подвезли только чуть более пяти с половиной тысяч снарядов средних калибров. Большею частью стодвадцатимиллиметровых стальных гранат. К шестидюймовкам имелось около полутора тысяч выстрелов. Примерно поровну бронебоев и фугасов. Все иностранного производства, что было не слишком хорошо¹⁵. На части из них взрыватели Бринка уже заменили более чувствительными трубками Барановского, но больше половины партии все еще не прошли контрольного осмотра. Кроме них, имелось еще около двенадцати тысяч трехдюймовых патронов. Преимущественно шрапнелей. Это составляло примерно половину от потребного минимума для восполнения истраченного в боях последних полутора месяцев.

Судя по номенклатуре доставленных боеприпасов, для Дальнего Востока выгребали все, в том числе только что наспех и втридорога сработанное за границей и свое старье, еще не отправленное в переплавку. При этом имелась телеграмма из адмиралтейства, запрещающая впредь брать боевые припасы из запасов Черноморского флота, и без того ослабленных еще зимой для нужд второй эскадры, дабы не потакать расточительству начальства на Дальнем Востоке. В ней говорилось, что необдуманные и не санкционированные ни артиллерийским комитетом, ни МТК опыты Рожественского и без того ввели казну в немалый напрасный убыток.

Несмотря на внушительность общих цифр завезенных снарядов, это означало, что при предельной загруженности дороги подвозить их успевали меньше, чем расходовали. То есть сейчас, даже при неполном заполнении погребов главного калибра действующей эскадры, для десятидюймовых береговых батарей, уже изрядно ограбленных предыдущими действиями флота, почти ничего не оставалось. При этом в случае срочного выхода в море, для обеспечения полным боезапасом по усиленным нормам комплектации среднекалиберных скорострелок на кораблях, снова придется брать снаряды с берега, окончательно «раздевая» батареи и здесь. И это все при условии первоочередной доставки боеприпасов за счет остальных необходимых перевозок из европейской части страны в интересах эскадры.

Итогом объемной переписки на эту тему стало разъяснение, что не успевают не столько возить, сколько делать. До сих пор не полностью изготовлен полный комплект снарядов для броненосцев второй эскадры. Не хватает производственных мощностей пироксилинового завода Морского ведомства. Вопрос о расширении его производства поднимался перед самой войной, однако тогда не удалось изыскать сорока тысяч рублей на приобретение пресса для новой фасовочной линии, а сейчас, даже если пресс все же закупят, останавливать производство для ее введения – безумие. Заказанные за границей 2500 пудов этой взрывчатки уже доставлены и тоже израсходованы. Ведутся переговоры по приобретению новой партии. Но на это нужно время.

¹⁵ См. комментарий 5 в конце книги.

Кроме всего прочего, было получено сообщение, что в Портсмуте уже начаты предварительные контакты по линии МИДа между нашей и японской делегациями. При этом японцы, являющиеся инициаторами этих переговоров, категорически настаивают на ведении всего процесса с участием американских и британских посредников. В этой связи наместнику рекомендовалось принять самые решительные меры для скорейшего завершения военных действий и одновременно озаботиться вопросом безопасности нейтральных торговых судов, совершающих транзитные плавания вокруг Японских островов, и исходить в дальнейшем, в первую очередь, из соображений политической целесообразности.

От этих словесных хороводов, имеющих сразу несколько взаимоисключающих толкований, но обязательных к исполнению, Рождественский все больше погружался в чувство безысходности. А тут еще на его голову ожидался приезд тех самых официальных лиц из МИДа со свитами и прихлебателями, о которых говорил великий князь Михаил еще в Харбине.

Глава 4

Не дожидаясь их появления в крепости, Михаил Александрович отбыл обратно в Маньчжурию. Было принято решение, что он возьмет на себя контроль за реализацией всего запланированного, работая в штабе Штакельберга, где, по общему мнению, оказалось «самое узкое место». Причем больше не из-за трудностей со снабжением, а из-за общей медлительности и неповоротливости армейского управленческого аппарата.

«Генеральную идею» Рождественского о том, что все решает быстрота и неожиданность натиска, подкрепленная массированным применением артиллерии, Михаил, после всего увиденного во Владивостоке и его окрестностях и внимательного изучения предоставленных в максимальном объеме аналитических материалов штаба, разделял целиком и полностью и был твердо намерен реализовать это в армии. Кое-какие мысли по этому поводу у него уже имелись.

Так что, запасаясь всеми самыми последними наставлениями, касавшимися методик ведения сосредоточенного артиллерийского огня и управления стрельбой на большие расстояния с аэростатов, спустя менее недели после своего приезда он также отбыл из Владивостока, задержавшись в Раздольном еще на три дня.

Там объектом его пристального внимания стали паровозное депо и его мастерские, начавшие активно развиваться в последнее время. Особенно введенные в последнее время новые методики организации работ с использованием электродуговых методов. После, по мере движения его поезда, повышенный интерес испытали на себе и железнодорожные мастерские других крупных станций, особенно в Харбине. Стало известно об отправленных им запросах по железнодорожному ведомству в Читу и Хабаровск. Судя по этим запросам, великий князь решил начать наводить порядок в войсках со служб снабжения и обеспечения тыла.

В штаб Маньчжурской армии Михаил прибыл, имея в качестве «приданого» три вагона трофейного телеграфного и телефонного провода, которым поделилось флотское руководство. Он сразу занялся внедрением «Владивостокских порядков» в армии. При этом активно участвовал в совещаниях штаба Штакельберга по тактическим и оперативным вопросам и часто связывался по телеграфу с Петербургом.

В частных беседах неоднократно отмечал, что высоко оценил принятые во Владивостоке меры по поддержанию дисциплины в интендантских службах флота и войск, действующих в Корее. По его личному приказу еще после первого приезда в Харбин в распоряжение подполковника отдельного корпуса жандармов Шершова из Хабаровска срочно было прислано дополнительно 40 человек, занявшихся ревизией и проверкой тыловых служб. Никакой судебной волокиты не было. Уже к концу августа проворовавшиеся интенданты, провокаторы и агитаторы всех мастей начали прибывать во Владивосток для исправительных работ в Сучанских кочках и на снова строящейся к ним железной дороге буквально вагонами.

Большую известность получило дело подрядчика Громова, привезшего с собой полторы сотни кавказцев, якобы для строительства дорог и обеспечения снабжения войск. Фактически все они сразу занялись грабежами, продавая добычу интендантам. Но после введения усиленных полицейских мер попытались скрыться. После перестрелки с охраной железной дороги они двинулись по торговым дорогам, рассчитывая добраться до Хабаровска, но были перехвачены охранявшими наши тылы хунхузами и вырезаны поголовно.

Кроме налаживания тыловых служб, Михаил Александрович очень внимательно ознакомился с аналитическими записками флотских и армейских офицеров, участвовавших в набеговых операциях последних месяцев. Ключевой мыслью в них было то, что главным залогом успешной операции является надежная связь между участвующими отрядами или предварительное четкое согласование действий в случае невозможности связи. А также отвлечение внимания от основного направления и быстрота действий. В этом случае противник не успевает

реагировать и теряется, раздвигая свои резервы до начала настоящего дела, либо не успевая их ввести.

Идея массирования артиллерийского огня и применения орудий крупных морских калибров для «взламывания» обороны пришлась ему явно по душе. Он загорелся мыслью воплотить это применительно к сухопутному театру боевых действий. Однако его энтузиазм сильно охлаждал огромный вес таких пушек, что не позволяло тащить их вслед за пехотой. Даже элементарная смена позиции в условиях отсутствия дорог превращалась в сложную операцию и прочно привязывала все мероприятие к рельсам.

Уделяя этому вопросу все больше времени, в штабах воюющих армий Михаил стал бывать реже. Однако контроля над ситуацией не терял, требуя от Штакельберга регулярных отчетов и отправляя своих порученцев на наиболее ответственные участки. Как позже стало известно, он все же применил на практике то, что задумал еще во Владивостоке.

В передовых частях до самого начала наступления его так и не дождались, из-за чего авторитет великого князя заметно пошатнулся, даже несмотря на явные сдвиги в лучшую сторону с обеспечением всем необходимым. Впрочем, он сумел быстро и безоговорочно реабилитироваться.

Организованная им, совместно с представителями артиллерийского комитета, плотно контролируемая, максимально обеспечиваемая всем необходимым по первому же требованию и постоянно подгоняемая круглосуточная, жутко затратная во всех смыслах и страшно секретная, согласованная работа железнодорожных мастерских Никольск-Уссурийска, Хабаровска, Харбина и Читы спасла не одну тысячу жизней русских солдат в последующем наступлении.

* * *

Зиновий Петрович тем временем продолжал улаживать вопросы с чиновниками и «воевал» с бюрократией. Убедившись, что флот, пусть медленно, но верно приводит себя в порядок, а люди отдыхают, насколько это возможно в сложившихся обстоятельствах, он выкроил пару дней, решив лично проверить ход работ по укреплению береговой обороны залива Посьет. Это планировалось совместить с испытаниями отремонтированной и частично замененной артиллерии броненосца «Орел», получившего главный калибр с «Князя Потемкина Таврического».

В бухту Пемзоя пришли на закате. Артиллерийский полигон и штаб обороны в бухте миноносек к этому времени уже соединили телефоном и телеграфом с постом Посьет, так же как и некоторые береговые сигнальные посты. Теперь связь стала вполне работоспособной. Ее проверяли несколько раз переговорами со штабами. С частью береговых постов также обменялись семафорами и опознавательными сигналами, когда вошли в залив. Но ночных проверок службы наблюдения и связи залива до сих пор не проводилось ни одной.

Едва встав на якорь, с «Орла» спустили паровой катер, который, не мешкая, двинулся вдоль берега, проверяя заодно порядок несения службы охраной полигона. Сам Рождественский перебрался в здание телефонного коммутатора артиллерийского полигона, куда должны были докладывать из штаба обороны обо всех происшествиях в заливе, пока наместник здесь. Офицеры его штаба готовились отмечать время сообщений об обнаружении катера, чтобы сверить его потом с записями на постах и с самого катера. Схема расположения постов имела на полигоне. Ее копию перед отплытием взяли с собой, так что, где искать наблюдателей, было известно.

Первым делом пошли к острову Фуругельма, обойдя мыс Сулова мористее, чтобы не встревожить расположенные на нем посты. Подойдя к его северному берегу, хотели войти в бухточку Северная, в которой стояли баржи с лесом для строившейся на острове батареи. На этом маршруте имелось множество подводных опасностей, о чем поведал местный рыбак, взятый в качестве лоцмана, поэтому шли малым ходом и постоянно вели промер глубин.

Скрываясь в тени береговых утесов, начали пробираться от мыса Свинына к белевшему впереди пляжу в вершине бухточки. Но были сразу обнаружены, о чем известила серия коротких вспышек ратьера с берега. В ответ отмигали позывной и тут же получили положенный отзыв. На что ответили: «Хорошо сделано».

Удовлетворившись результатом, ушли к мысу Гамова, где катер тоже сразу обнаружили. Оттуда, описав широкую дугу, направились к входу в бухту Троицы со стороны залива. Эту бухту контролировали уже армейские посты. Еще до подхода катера от мыса Стенина, видимо, будучи предупрежденными моряками с Гамова, начали запрашивать позывной. Не получив ответа, запрос повторили, потом еще раз.

После того как и третий запрос с берега катерники проигнорировали, в воздух взлетели сразу три осветительные ракеты. Причем, судя по тому, куда их запустили, катер с берега все еще не видели. Пятно света озарило клочок моря намного восточнее того места, где находилась проверка.

Хотя там никого не оказалось, поведение наблюдателей встревожило всех на катере. Заподозрили, что рядом бродит еще кто-то, и об этом, обнаружив именно его, и сигналили с берега. Ход увеличили, войдя в акваторию бухты и направившись в ее верховье, где имелся хороший пляж. Ходовые огни включили и несколько раз отмигали позывной, чтобы ненароком не угодить под обстрел. Подойдя к пляжу, включили еще и прожектор, начав обшаривать им береговую полосу, поскольку опасались выскочить на камни.

Здесь побережье должны были охранять конные разъезды и секреты, опросив которые надеялись прояснить ситуацию. Чтобы избежать эксцессов в столь тревожной обстановке, еще несколько раз показали свой позывной и отработали три коротких гудка сиреной. В ответ с берега за пляжем вместо штатного отзыва снова взмыли осветительные ракеты, а следом за ними и с обоих входных мысов тоже.

Когда командовавший катером мичман Адлерберг с двумя матросами сошел на берег, сразу был встречен разъезд. Тут и выяснилось, что наблюдатели у входа в бухту никого не видели, но ждали появления катера, после известия с мыса Гамова. Унтер из резервистов, командовавший разъездами на северном берегу залива Китовый, только что разговаривал с ними по телефону, установленному в доме старосты хутора, находившегося на западном берегу бухты. Этот староста, ходивший ранее на китобойных судах, морзянку катерного фонаря видел и ее содержание унтеру уже сообщил.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что люди на внутренних постах совершенно не обучены наблюдению за морем и не разбирают световую сигнализацию. Поэтому и пускали ракеты. Никаких внятных инструкций на случай обнаружения кого-либо ни на постах, ни у разъездов не имеется. Хорошо, что в штаб обороны и в поселок Посьет доклады отправили да трезвые были.

Унтеру приказали доложить в штаб в Посьете, что тревога ложная, если, конечно, никого другого с постов все же не видели. Поскольку сейчас даже при свете еще не погасших осветительных ракет вражеских судов обнаружить не удалось, унтер был вынужден согласиться и отправил посыльного играть «отбой тревоги».

Однако еще более получаса с входных мысов периодически и совершенно бессистемно продолжали подсвечивать все вокруг. Судя по всему, все же трезвыми были не все. С катера после команды «отбой тревоги» насчитали более полусотни напрасно сожженных больших ракет. А малые и сигнальные, постоянно пускавшиеся все это время, даже и не считали.

Дальнейшее плавание уже не имело смысла. Такое светопреставление наверняка видели даже в поселке Посьет. Исходя из этого, Адлерберг приказал править напрямик в бухточку Пемзовая. Когда обходили банку Клыкова, справа за кормой, где-то в районе бухт Алеута и Лукина, еще дважды взлетали осветительные и сигнальные ракеты.

Скоро нашел туман. Видимость упала практически до нуля. Продолжали движение, не видя ни звезд, ни береговых ориентиров. Когда, уже на рассвете, по счислению должен был открыться мыс Шелягина, впередсмотрящий закричал, что видит парус китайской джонки справа по курсу. Адлерберг приказал изготавиться к бою, так как не исключалась возможность встречи с японскими лазутчиками.

Местный лоцман предложил сначала остановиться и осмотреться. Ночью могли сбиться с курса, а прибрежные воды в этих местах полны опасностей. В точности показаний имевшегося шлюпочного компаса он сомневался. Но мичман приказал дать полный ход и идти прямо на джонку. Едва легли на новый курс, как тот же впередсмотрящий сообщил, что видит буй впереди, и сразу закричал, что это камни. Лоцман оттолкнул от штурвала замешкавшегося рулевого, резко начав ворочать вправо, но удара избежать не удалось.

Катер, наскочив левой скулой на круглый камень, торчавший из воды всего на три фута, дернулся всем корпусом. Люди попадали с ног, а его командир и впередсмотрящий вылетели за борт. Пулемет левого борта слетел со станка и утонул. Образовалась сильная течь. Котел пришлось срочно гасить, стравив пар. За борт полетели все пробковые пояса, что в спешке удалось найти. Суденышко быстро тонуло, кренясь и продолжая катиться по инерции вперед. До того, как оно пошло ко дну, удалось выпустить лишь одну сигнальную ракету и три раза выстрелить в воздух из винтовки. Ни журнала, ни личных вещей не спасли.

Вскоре к плававшим в воде мичману и матросу, не утонувшим только благодаря тому, что заранее обвязались спасательными поясами, поскольку при падении обоим оглушило, крепко приложив о планширь и палубу, присоединился весь остальной экипаж. Старались держаться вместе, собрав все, что смогли из всплывшего после исчезновения катера с поверхности воды, и обвязавшись концами и ремнями.

Лоцман сказал, что парус, который видели с катера, был, скорее всего, не джонкой, а торчавшим из воды в полумиле к северо-северо-востоку от острова Фуругельма камнем, именуемым кекурром Гельмерсена. Его верхушку в тумане часто принимают за парус джонки. Рядом с ним имеется круглый камень по форме буя, на который и наскочили второпях, погнавшись за призраком.

Исходя из этого, принялись изо всех сил грести в направлении предполагаемого нахождения острова Фуругельма, надеясь, что оттуда все же видели ракету и вышлют кого-нибудь навстречу. Однако преодолеть более полумили самостоятельно было маловероятно. Особенно учитывая, что течение сейчас сносило всех к югу, мимо острова. Но уже минут через двадцать услышали голоса, окликавшие по-русски. На них отозвались, и скоро стали слышны даже всплески весел приближавшейся шлюпки.

Оказалось, что работники, строившие батарею, ночью ходили проверять снасти, стоявшие на отмелях восточнее острова. Катер они не видели, но почувствовали запах угольного дыма из его трубы, а потом услышали выстрелы и крики, когда судно уже тонуло. Ракету за туманом также никто из них не разглядел. Идя на голоса, они и вышли на потерпевших крушение.

Маленький ялик оказался не в состоянии вместить всех, поэтому в него забрались только Адлерберг, и впередсмотрящий, серьезно пострадавшие при падении в воду. У мичмана была сильно ушиблена и рассечена голова, а матрос, похоже, сломал руку. Все остальные так и оставались в воде, привязавшись к лодке, уверенно правившей к острову.

Пока добирались до пристани в бухточке Северная, Адлерберг немного пришел в себя. На его вопрос, кто и почему, в нарушение устава караульной службы и всяких норм безопасности на охраняемой территории, отпустил работников на рыбалку, получил шокировавший всех ответ: «Жрать-то хочется!»

Из дальнейшего рассказа «рыбаков», изрядно обозленных и сгоряча срывавшихся порой на мат даже при офицере, выяснились интересные подробности. Оказалось, что их завезли на

остров уже почти два месяца назад с запасом провизии на три недели. Потом подвезли немного муки и крупы, а остальное сказали добывать самим. А что там добудешь, скалы одни, ни хрена не растет! Лебеду всю уже съели. Обслуга сигнальных постов, снабжавшаяся из Посъета, тоже далеко не жировала, так что к идее организовать промысловую мини-артель отнеслась с пониманием. Вот они и ходили уже почти месяц на «добычь» каждый день, выменяв у местных на часть крупы и полтора десятка «бердановских» патронов свои снасти.

Очутившись на острове, по телеграфу сразу сообщили о крушении и кратко доложили результаты похода. Оставаться на почти готовой батарее, где был фельдшер, все категорически отказались и утром на рассылном катере отправились для более детального доклада к начальству.

На полигон вернулись лишь к полудню. К этому времени туда уже пришло не одно сообщение из штаба обороны и из поселка Посъет о многочисленных подозрительных судах, осматривавших северное побережье залива Китовый этой ночью. Броненосцу рекомендовалось укрыться с улучшением видимости на более закрытой стоянке рейда Посъет и воздержаться от переходов до улучшения погоды и прояснения ситуации.

Едва суденышко с Фуругельмы ошвартовалось к причалу полигона, Рождественский, захватив с собой Адлерберга, сразу же отправился на нем в Посъет. Туда же вызвали и нового начальника обороны залива. По дороге мичман рассказал о событиях ночи, указав точное время контактов, которое помнил, поскольку сам заносил все записи в утонувший с катером журнал. Его сверили с журналами оповещений телеграфной и телефонной станций полигона за прошедшую ночь.

Выяснилось, что катер с «Орла», причем во множественном числе, обнаруживали также и у бухты Лукина и с мыса Дегера, даже после начала его неудачного обратного перехода. Задержек со связью не было, но толку от нее в этом случае оказалось не много. Общая картина так и оставалась неясной, а многочисленные контакты, ложные и настоящие, приводили только к общему переутомлению, притуплению бдительности и бестолковому расходу ракет.

Слушая рапорт сникшего мичмана об аварии и последующем неожиданном спасении, наместник все больше мрачнел. Принимая это на свой счет, Адлерберг всерьез начинал опасаться, что теперь спишут с эскадры на берег. Его деятельной натуре это было как нож острый.

Еще когда «родной» броненосец «Александр III», служа на котором он добрался до Дальнего Востока, пройдя через пекло Цусимы, встал в длительный ремонт, он сразу подал рапорт о переводе на любой другой корабль, готовившийся к походу. Хоть даже на миноносце. Так и попал на «Орел», восполнив боевые потери. Многие сослуживцы его не понимали. Уходить с корабля гвардейского экипажа, тем более, что через месяц, максимум два он тоже снова вступит в кампанию!.. Но мичману на берегу не сиделось. И вот теперь...

Однако вопреки ожиданиям никакого разноса не последовало. Что-то пометив у себя в блокноте, Рождественский сказал: «Вам придется все это повторить сейчас на совещании в Посъете», после чего занялся выяснением бытовых подробностей у капитана первого ранга Цывинского, уже давненько тут обретавшегося, продолжая делать пометки.

На совещании мичман выступил. Сказал все, как сам слышал. Потом спокойно отвечал на нападки местного командования. Ему было уже все равно, и никакой робости перед бородатыми полковниками и их генералом он не испытывал совершенно. А после ждал окончания совещания уже на улице, находясь на пределе нервного напряжения.

Но приказа о списании так и не последовало, а все санкции ограничились спокойно брошенным наместником между делом: «Озаботьтесь подъемом катера. На полигоне имеется все, что для этого нужно, а потом приедете поездом во Владивосток. И сразу доложите по команде. А «епитимией» для вас будет попутная ревизия состояния узкоколейки. И не халтурить! Сами решайте, у кого уроки брать, но чтобы отчет был объективный. Ни мне, ни другим проверять некогда! Постарайтесь успеть до того, как снова в море пойдем!»

Зато за час до этого на том самом совещании в штабе Порсьетского отряда Зиновий Петрович «рвал и метал». Мичману с его лавочки все было слышно. Интенданта полковника Броцкого приказал арестовать и отправить на броненосец, едва он явился, Начальника инженерного корпуса, присланного из Владивостока после скандального визита в залив «Громкого», в чьи обязанности входил контроль за строительством дороги и укреплений, отчитал и объявил выговор. Генерала Щупинского, пытавшегося что-то возражать, даже не стал слушать, потребовав отчет о ходе возмещения утраченных стройматериалов, а также о степени готовности оборонительных сооружений. Досталось и всем прочим сухопутным начальникам.

Наконец начав успокаиваться, Рождественский потребовал коляску и толкового сопровождающего для осмотра береговых укреплений, а здесь приказал продолжать без него, после чего убыл заканчивать инспекцию. Все резкие выпады начальника Порсьетского отряда, требовавшего в свое распоряжение десантные роты с броненосцев и часть их артиллерии, остались без внимания. В итоге Щупинский и Рождественский расстались крайне недовольные друг другом.

После отъезда наместника с эскортом был объявлен небольшой перерыв. Все вышли из здания штаба на воздух. Армейские молчали и нервно курили папиросу за папиросой, а флотские, оказавшись сразу в сторонке, поскольку остальные перетекли от них подальше, тихо переговаривались между собой, отмечая, что разговоров в таких тонах уже давно не бывало. Видать допекло!

На продолженном совещании офицеры из штаба наместника ознакомили старших офицеров гарнизона залива Порсьет с уже довольно давно применявшимися инструкциями для персонала всех береговых постов, а также стандартными и обновленными правилами обмена информацией¹⁶. Как выяснилось, ничего подобного в Порсьете не было, что всех удивило. Обязали их составить графики учений, разъяснив, как и для чего это нужно делать.

Армейское руководство просило о пополнении службы береговой обороны залива обученными сигнальщиками с кораблей. Иначе в реальные сроки дела не исправить. Флот обещал помочь, но требовал провести обязательную учебу и с уже имеющимся персоналом береговой службы.

На полигон наместник прибыл одновременно с вернувшимися с совещания и был намерен немедленно идти обратно во Владивосток. Но из-за тумана выход в море оказался невозможен. Хотя в самом заливе заметно прояснилось, за мысом Гамова все еще ничего не было видно, так что пришлось ждать.

¹⁶ Правила службы сигнальных постов в окрестностях крепости Владивосток и на всем побережье Японского, Охотского и Берингова морей были разработаны и начали широко внедряться еще до начала русско-японской войны. Однако, в силу ряда причин и, в первую очередь, недостаточного контроля за исполнением, эти правила часто не соблюдались, нарушались или игнорировались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.